

Л. Г. Климанов

**УЧЕНЫЙ И КОЛЛЕКЦИОНЕР, «ИЗВЕСТНЫЙ ВСЕЙ РОССИИ,
ЕЩЕ БОЛЕЕ ЕВРОПЕ»***

«Изучение истории» как цель своей жизни выдающийся отечественный историк и коллекционер академик Николай Петрович Лихачев уяснил уже в отрочестве.¹ Очень рано проявилась и его собственная научная задача — «критика источников и собирание для этого материалов»: «С первого курса историко-филологического факультета внимание Н. П. Лихачева начало сосредоточиваться на документах как историческом источнике и быстро перенеслось к вопросу о подлинниках и копиях, а затем и к критике текста». Изучение истории мыслилось им только на твердой основе тщательно собранных фактов.³

Приступив к занятиям историей как делу жизни, Н. П. Лихачев осознал, что вступает в науку в момент, когда пришла пора вырабатывать новые исследовательские подходы и приемы, создавать новый исследовательский инструментарий.

Широко одаренный, ревностно трудолюбивый, всепоглощенно увлеченный своим делом, он взялся за то, что сам называл «историческим источниковедением», «документальным источниковедением истории»,⁴ а ныне именуется комплексным источниковедением.⁵ Для осуществления такого грандиозного труда потребовалось не просто взяться за разработку вспомогательных исторических знаний (прежде всего особо любимых Н. П. «русской дипломатики» и сфрагистики), но и создать фонд подлинных источников.

К достижению этой трудной цели и был обращен весь пафос его подвижнического собирательского труда по реализации научного замысла коллекционерским путем, замысла, движимого осознанной новаторской программой. В одном человеке редкостно совместились исследовательский и собирательский таланты. Длительное время две рожденные этими талантами страсти: собирание источников по истории развития графических знаков, запечатлевших деятельность человека, и поиски исторического места русской культуры в культурной истории человечества — шли обок, соприкасаясь, переплетаясь, но не сливаясь. Пока не сошлись в захватывающей воображение идее Музея палеографии.

«Тридцать лет, — писал он в трудном 1918 г., — я посвятил систематическому собиранию документальных памятников разных эпох и народов в дерзостной мысли создать русскую „дипломатику“, осветив ее в связи с западноевропейской по возможности неизданными образцами моего собрания, а не

* Из приветствия Н. П. Лихачеву от Третьяковской галереи по случаю тридцатилетия присуждения ему ученой степени доктора русской истории//Ленингр. отд-ние Архива АН СССР (далее: ЛО ААН), ф. 246, оп. 2, ед. хр. 21, л. 26.

снимками с многочисленных атласов Западной Европы. Мне хотелось осветить сферы взаимных влияний Востока и Запада (...) В моих картонах и ящичках, действительно, история документальной письменности исключительного богатства и разнообразия». ⁶ И позднее, из ссылки, в 1933 г.: «Десятилетиями я рыскал всюду и собирал крупницы от западноевропейских богатств для того, чтобы доставить русским ученым самостоятельный материал для изучения, а не пользования только заграничными альбомами». ⁷ Собрание задуманного шло в трудном соперничестве с обстоятельствами, расстояниями, другими коллекционерами, а порой и антикварами (не всегда компетентными и добросовестными).

На основе уникального содержимого «картонов и ящичков» (подкрепленного доскональным знанием отечественных архивов) Н. П. Лихачев дерзновенно намеревался «создать „нечто" цельное». Что ему удалось?

Удалось создать, прежде всего, единственную в своем роде собранную им самим (на средства семьи) и благодаря собственным редкостным познаниям и энергии частную коллекцию образцов письма и документа со всех концов света, а равно и превосходную учено-библиофильскую библиотеку, замечательно сочетающуюся с коллекцией, особенно в разделе, посвященном вспомогательным историческим знаниям. ⁸ Удалось написать немало научных трудов, без которых и поныне не могут обходиться ученые многих исторических специальностей. Удалось заложить основы ряда направлений отечественного источниковедения: в области дипломатики, сфрагистики, филигранологии, палеографии, текстологии, генеалогии, кодикологии и т. д. ¹⁰

Ни Музей в задуманном виде, ни «„нечто" цельное» создать не удалось (хотя Лихачев близко подошел к осуществлению того и другого) в значительной мере по обстоятельствам времени. Творческая деятельность Н. П. Лихачева пришлось на предреволюционные и два послереволюционных десятилетия, и жизнь его складывалась сложно, трудно, во многом трагично. Он отнюдь не был баловнем судьбы, " более того, как он сам писал на седьмом десятке лет: «Я привык, что со мною все происходит не по шаблону». ¹²

Начало жизненного пути Н. П. Лихачева было благополучным. Он родился 12 апреля 1862 г. в г. Чистополе Казанской губернии в небогатой помещичьей семье старинного дворянского рода, в одном из культурных дворянских гнезд российской глубинки. Окончил Вторую казанскую гимназию с золотой медалью и по осознанному выбору поступил в 1880 г. на историко-филологический факультет Казанского университета, где преподавали многие известные ученые. Профессора отметили одаренность, трудолюбие и целеустремленность юноши.

Студенчество Н. П. Лихачева пришлось на годы волнений в университетах, ¹⁴ и воспитанные семьей устои подверглись первым испытаниям. «Я еще в университете был известен за отъявленного ретрограда, почему на одной сходке (...) мне даже было предложено возражать „со стороны правительства"», — писал он несколькими годами позже. ¹⁵ Что скрывается за самоироничным словом «ретроград»? Свои убеждения он никогда не скрывал, высказывал публично, в том числе и в газетах. Кратко и определенно они высказаны в письме к художнику В. М. Васнецову по поводу одной из написанных им икон: «Ваш „Покров" — знамя для всех нас, монархистов и истинно русских, как нас величают в левой прессе, людей». ¹⁶ Человек «исключительно ласковый, незлобный, обходительный (...) не желающий ни с кем ссориться, готовый, — по воспоминаниям близко знавшего его человека, — все уступить, лишь бы не было неприятностей», ¹⁷ своих политических убеждений он держался: «Я либеральнее к религиозным верованиям, чем политическим», — писал он вскоре после революции В. В. Розанову. ¹⁸ «Я-то не смешал по известной пословице царя с псарями, и что бы ни случилось со мной, мои убеждения не изменятся». ¹⁹

И когда Н. П. Лихачев, которого всегда глубоко волновали судьбы отечества, понял, что «для русского народа наступило время образования политических

партий»,²⁰ наиболее близким ему оказалось Русское собрание, «поставившее свою задачею содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей русского народа»,²¹ и выделившиеся затем из Русского собрания общественные объединения с политической программой, в основных своих положениях соотносившейся с убеждениями Н. П. Лихачева.²²

Означает ли это, что он был склонен к политической деятельности? Вовсе нет.²³ Близко знавший его В. Н. Бенешевич писал вскоре после его кончины: «Он был ученый „с головы до ног“ и никем другим быть не желал и не был». ²⁴ Эти слова определенно подтверждают взгляд Н. П. Лихачева на самого себя: «Я никогда не стремился к популярности, и специальность моя — историческое источниковедение — может спокойно дожидаться оценки потомства». ²⁵ Но политическими событиями он всю жизнь интересовался пристально и небеспристрастно, воспринимая их умудренным умом историка. И даже будучи в ссылке, тратил последние из своих скудных, присылаемых родными денег («паразитирую на счет детей», — писал он), чтобы покупать газеты.²⁶

Вернемся к 80-м гг. прошлого столетия. В бурные дни сходов, закрытия Казанского университета, наведения порядка после его открытия студент Н. Лихачев не уставал трудиться. Из небольшого студенческого реферата о хронике Генриха Валансьенского выросла после кропотливого труда объемистая работа за третий курс.²⁷ Работа была зачтена 15 марта 1883 г., через три месяца после открытия университета. В этом «своем первом опыте» начинающий историк четко выразил тот основополагающий принцип, которому оставался верен всю жизнь: необходимость фундаментальной работы над источниками, «чтобы на них опиралось каждое сведение, каждое доказательство».

Выпущенный из университета кандидатом 30 мая 1884 г. по представлении к публичной защите сочинения «О разрядных книгах», Н. П. Лихачев был приглашен остаться при трех кафедрах: русской истории, всеобщей истории и истории Древнего Востока. Выбрал первую и был оставлен для приготовления к профессорскому званию по русской истории (без назначения содержания,²⁹ поскольку уступил предложенную стипендию более бедному товарищу).³⁰ Однако интерес к Древнему Востоку, особенно к истории письменности и сфрагистике, сохранил до конца жизни.

Без промедления устремившись в столичные архивы, музеи, библиотеки, Н. П. Лихачев самозабвенно трудился там до февраля 1894 г.³¹ Так, будучи 30 апреля 1888 г. утвержден приват-доцентом Казанского университета по кафедре русской истории, он, не приступая к чтению лекций (преподавательской работой занялся с 1894 г.), вновь вернулся к изысканиям в архивах.

Результатами неотступного труда стали его диссертации. 5 февраля 1889 г. защищена магистерская диссертация «Разрядные дьяки XVI в.».³² Через три года, 3 мая 1892 г. защитил докторскую диссертацию «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве».³³ Обе работы стоили не только огромного труда, больших денежных расходов и долгов:³⁴ «Я мучился угрызениями совести, готовясь к ученой степени на средства отца. У него было так мало», — писал он через четверть века,³⁵ — но и стали еще одним испытанием принципов, научных и человеческих.

Сделанный им в 1887 г. в Обществе любителей древней письменности доклад «О некоторых событиях и лицах, внесенных в наши генеалогические сборники из вымышленных разрядов», как видно из названия, не мог не вызвать настороженного отношения как к докладчику, так и к его проекту издания свода источников по истории и родословию российского дворянства. Эта тема все время оставалась в пределах его научных интересов и без малого через тридцать лет Лихачев представляет на обсуждение вопрос о «фальшивых родословных».³⁶ Не исключено, что именно необходимостью что-то противопоставить создавшемуся отношению было вызвано поднесение царю 23 декабря 1888 г. только

что отпечатанной книги «Разрядные дьяки XVI в».³⁷ Для этой же цели было предпринято и представление книги на соискание Уваровской премии.

И хотя до диспута по магистерской диссертации о ней шло много недоброжелательных пересудов — ее называли «канцелярской работой, неотделанным «сырьем», — на самом диспуте диссертант «не слышал серьезных возражений».³⁸ Все же оппонент, проф. Д. А. Корсаков изрядно изругал диссертацию, — что, по мнению Н. П. Лихачева, было вызвано новизной и необычностью работы,³⁹ — и напечатал резко отрицательную рецензию.⁴⁰ Пришлось засесть за ответ — так появился «Ответ суровому критику (Д. А. Корсакову)» (М., 1890).

Значительно более сильное противодействие оппонентов, Д. В. Корсакова и Н. П. Загоскина, пришлось преодолеть на диспуте по докторской диссертации. Через день после диспута местная газета поместила статью без подписи, в которой говорилось, что работа Н. П. Лихачева «ничего не имеет общего с источниковедением. Он просто написал руководство к тому, как можно по бумаге узнавать время, к которому относится написанный на ней манускрипт <...>. Он изложил только технический прием, заручившись которым можно заниматься источниковедением, но можно заниматься и всяким другим делом, например, определить подложность или подлинность юридических документов».⁴¹ Едва ли есть необходимость обсуждать неразрывную связь вопросов подлинности с источниковедением. Но отношение некоторых университетских кругов к работе и ее автору цитированная статья представляет вполне наглядно. Между тем это была первая подобная работа в отечественной историографии, высоко оцененная крупнейшим тогдашним специалистом по истории бумаги и филиграням Ш. Брике⁴² и поныне сохраняющая научную ценность.

Серьезную трудность для Н. П. Лихачева представляло другое обстоятельство — вненаучное. По университетскому уставу 1884 г. он оказался в невыгодном положении. Оставление при университете для подготовки к профессорскому званию, принятое им как большая честь, и командировки для научной работы не считывались к службе и соответственно лишали человека, предавшегося научным занятиям, продвижения по табели о рангах, а затем и пенсии. «Пока я добросовестно старался на пользу общества и государства приготовить из себя настоящего ученого, мои товарищи, учителя и чиновники, опередили меня», — писал он.⁴³ Вот еще строки из письма: «Вы коснулись большого места русской жизни — пренебрежительного (а иногда и враждебного) отношения к знаниям и науке. Когда вся деятельность человека обмеривается лишь подсчетом времени прохождения службы, занесенной в послужной список, то, конечно, увлекаться и надрываться в работе, хотя бы в пределах именно своей службы, есть прямой убыток».⁴⁴ Однако увлеченный научными занятиями, Н. П. Лихачев относился к этому «хладнокровно». Но для семьи, прежде всего для отца, а затем и для семьи жены — это было делом престижа и чести.⁴⁵ Однажды Николай Петрович в сердцах высказал в письме: «Я только что вернулся от тяжело больного отца. Что мог я сказать ему, чем порадовать? У него перед глазами чиновники, которые за несколько часов труда в петербургских канцеляриях преуспевают в чинах и орденах. У меня ни жалованья, ни чинов, ни орденов, ни уважения, потому что у меня все время проходило в борьбе с критиками».⁴⁶

Это обстоятельство омрачило даже радость, которую ему доставила возможность читать лекции по русской дипломатике. По инициативе А. И. Соболевского⁴⁷ Н. П. Лихачев с разрешения Министерства народного просвещения смог открыть курс лекций в Археологическом институте, с 19 февраля 1894 г.⁴⁸ стал, как он сам писал, «первым профессором этой отрасли исторического знания»⁴⁹ и преподавал в институте до 1923 г. (с перерывом в 1917—1918 гг., о чем будет сказано ниже).⁵⁰ Со временем тематика лекций расширилась и включила в себя «всеобщую историю письмен», западноевропейскую дипломатику и сфрагистику. Многие его лекции были напечатаны слушателями института по конспектам

и стали первыми в отечественной историографии печатными пособиями по этим дисциплинам.⁵¹

Однако, хотя Археологический институт и числился по Министерству народного просвещения, он не давал преподавателям прав на службу (равно как и дипломов о высшем образовании слушателям).⁵²

Только с 10 мая 1894 г., когда он был избран в члены Археографической комиссии Министерства народного просвещения, имевшей (и ныне имеющей) целью изучение и издание источников, Н. П. Лихачев получил право на службу. 7 марта 1895 г. был утвержден в чине коллежского асессора (со старшинством с 10 мая 1894 г.),⁵³ к пятидесяти годам получил чин действительного статского советника и пенсию 980 р., а закончил службу тайным советником, будучи произведен в этот чин в мае 1916 г. за отличие по случаю пятидесятилетия Русского исторического общества.⁵⁴

Маловероятно, чтобы ему удалось достичь чина III класса, если бы не служба в Публичной библиотеке. В апреле 1902 г. директором библиотеки был назначен Д. Ф. Кобеко, с которым Н. П. Лихачев познакомился в 1886 г. и сблизился на основе научных и собирательских интересов. Кобеко пригласил его на должность помощника директора.⁵⁵ В этой должности Н. П. Лихачев служил с 13 июля 1902 г.⁵⁶ и много потрудился для устройства и комплектования библиотеки.

Считалось, что служит он в библиотеке «из чести». Вместе с тем эта работа, отнимавшая много времени и сил, особенно если принять во внимание, что как раз в годы вице-директорства Н. П. Лихачева библиотека готовилась к столетнему своему юбилею, давала не только большое удовлетворение, но и 3500 р. годового жалованья. Эти деньги не могли быть лишними при большой семье и ненасытных коллекционерских запросах.⁵⁷ Кроме того, годы работы в «величайшем отечественном книгохранилище» были деятельно использованы для расширения и углубления своих познаний: «Новая служба помогла мне углубиться в давно излюбленную область библиографии, и не только одной русской. Была изучена литература инкунабул, Альдов, Эльзевиров, история старейшей прессы и летучих изданий, история переплетов. С особым тщанием была изучена и история писем вообще, и история автографов в частности».⁵⁸

Н. П. Лихачев вынужден был покинуть библиотеку 30 апреля 1914 г. вследствие интриги, затеянной С. Ф. Платоновым еще в 1909 г. с целью занять директорское кресло и вызвавшей подозрения Д. Ф. Кобеко относительно участия в ней вице-директора.⁵⁹ В Публичной библиотеке ему, впрочем, привелось еще поработать в 1922—1924 гг. в «польской» комиссии, причем вместе с С. Ф. Платоновым.⁶⁰ Что касается двенадцатилетней деятельности Н. П. Лихачева в библиотеке, то она, надо надеяться, будет тщательно изучена и по справедливости оценена.⁶¹

Наряду с напряженной научной работой, подготовкой и чтением лекций, многолетней работой в библиотеке Н. П. Лихачев деятельно и интенсивно занимался коллекционированием. Первоначально он с равной страстью подбирал нумизматическую коллекцию, книги, рукописи, печати, произведения древней живописи. Постепенно, в ходе вдумчивого изучения собираемого «возникла мысль оставить Родине Музей истории документа...», вызрела и идея Музея, но организация его стала возможна и «началась лишь по вывозе из дома Музея древней иконописи».⁶²

Собиранию произведений древнерусской живописи Лихачев посвятил более 20 лет и собрал исключительное по полноте и оедкости экземпляров собрание.⁶³ Коллекционер и знаток икон, он стал и зачинателем научного изучения древнерусской живописи и создал ряд трудов, в частности об Андрее Рублеве и италогреческой живописи, сохраняющих значение и Юныне.⁶⁴ Иконы своего собрания владелец предоставлял для показа на выставках в России (1911, 1913) и Париже (1906), приложил свои познания в создании новой экспозиции древнерусской живописи Третьяковской галереи и сост;вил ее каталог. К 1913 г. число

икон в коллекции превысило 1500, они занимали весь дом. Кроме того что занятость Н. П. Лихачева почти не давала ему возможности продолжать изучение иконописи, крайне туго стало и с деньгами. Пришла пора расставаться с иконами: «Я зимой уже метался в ужасе, что у меня нет более средств, а мои изыскания лишь на середине. Если бы не продажа икон, я теперь бы был поставлен в ужасное положение. Судьба зажала бы мне рот в последние годы жизни (...) — ни за литературой следить, ни материалы пополнять!».⁶⁵ «Я постараюсь уйти в книги и забыть иконы, которыми так долго жил».⁶⁶

В 1913 г. 1497 икон перешли в собрание Русского музея, при этом ценность коллекции единодушно признавалась значительно превышающей полученную владельцем сумму в 300 тыс. р.⁶⁷ Часть из этих икон впоследствии была передана в разные музеи страны, и судьба не всех их известна.

Выйдя в отставку из Публичной библиотеки, расставшись с собранием икон, Н. П. Лихачев в течение последующих трех лет все силы и средства (в том числе и полученные за коллекцию икон) употребил на последовательное осуществление плана Музея. План этот живо изложен им самим в книге «Музей палеографии» (1925, 2-е изд., 1927) и не нуждается в пересказе. К 1917 г. собрание в результате неустанных трудов («книги везде лежат грудями, и я с ними устаю страшно»)⁶⁸ систематизировалось — план стал обретать экспозиционную ясность и выразительность. Как писал сам Н. П. Лихачев двумя годами позже, «исполнялась заветная мечта посвятить старость кабинетным изысканиям по собранному и классифицированному материалу. Были намечены (...) обширные труды...».

Последние годы войны нарушили сложившийся уклад жизни, а две революции 1917 г. в России перевернули его. Необходимость кормить большую семью, крайняя трудность содержания дома с огромными коллекциями, невозможность печатать труды из-за свертывания издательского дела,⁷⁰ недоступность европейских антикваров по причинам политическим и отечественных по причинам денежным резко изменили образ жизни историка, коллекционера, преподавателя, семьянина. «Чрезвычайная активная деятельность, сношения с сотнями лиц и ежедневные получения писем и каталогов сменилась кабинетным безмолвием — когда ни одного каталога. Горделивые мечтания о грандиозных изданиях, о показательном музее, о ряде специальных исследований, все предположения о целостном использовании собранного материала заменились грустным сознанием вынужденной беспомощности!».⁷¹ Повседневная научная деятельность и работа над созданием Музея прервалась более чем на семь лет.

В начале мая 1917 г. приходится оставить дом под присмотром секретаря и перевезти семью в Москву в дом А. Т. Карповой. «Я приживал (в буквальном смысле слова) и прозябаю в Москве со 2-го мая. Библиотеку и Музей — все бросил (...) переезды были обусловлены крайними затруднениями».⁷² Жил в тревоге: «Каждый день может принести известие, что все, накопленное предками и мною, — перестало существовать».⁷³ Особенно тревожным был сентябрь 1917 г., когда ожидалась эвакуация Петрограда, и пришлось прибегнуть к помощи хранителя рукописного отделения Библиотеки Академии наук В. И. Срезневского, чтобы отправить в эвакуацию четыре сундучка с наиболее ценными рукописями своей коллекции.⁷⁴ Поздней осенью того же года Н. П. Лихачев писал В. И. Саитову: «Вышел из Археологического института, потому что хулиганы ждут моего приезда, чтобы на „законном основании“ и с моего „согласия:“ „реквизировать“ мою квартиру».⁷⁵ Настоящее ужасно, будущее еще грознее».⁷⁶

С мая 1917-го по 1925 г. пришлось делить жизнь между Москвой и Петроградом. В Москве жила семья, для которой надо было изыскивать средства к существованию, порой расставаясь и с отдельными частями своей коллекции,⁷⁷ не удалось избежать и многолетней безрезультатной тяжбы за жилье. В Петрограде оставался дом, огромные коллекции и весьма значительная, превосходно подобранная библиотека по специальности и связанные с ними хлопоты.

Находилось и дело. В Москве — участие в организации архивного дела республики, которым тогда занимались многие крупные историки — С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков и др. — (Н. П. Лихачев стал членом Совета Московского областного управления архивным делом в 1918 г.⁷⁸ и читал лекции архивным деятелям), изучение коллекций Исторического музея и взятых с собой материалов. В Петрограде — лекции в Археологическом институте, возобновившиеся в 1918 г.

Без семьи и нормальных средств к существованию в Петрограде жить было трудно, в то же время и в Москве в отрыве от привычного места работы, от любимых, тщательно подобранных книг и материалов трудно было помышлять о неотступных занятиях, к которым приохотился смолоду. «Забываюсь в ученой работе, но мучаюсь без книг»,⁸⁰ «...только и живу, когда забудусь в Древней Руси или в византийских памятниках»,⁸¹ — писал он в трудные годы. «И на будущее смотрю мрачно».⁸²

Конечно, для сохранения дела всей жизни уже с конца апреля 1917 г. предпринималось все, что было возможно по обстоятельствам времени. При деятельном содействии академиков А. С. Лаппо-Данилевского и С. Ф. Ольденбурга (Академия наук) и В. И. Вернадского (Министерство народного просвещения) Министерство внутренних дел в конце октября — начале ноября 1917 г. установило близ дома милицейский пост.⁸³ Затем весной 1918 г. были получены от Наркомата по заведованию дворцами и музеями республики и от исполкома Петроградского райсовета удостоверения о том, что дом проф. Н. П. Лихачева как содержащий особо важные научные собрания, библиотеку и архив по истории археологии не подлежит реквизиции.⁸⁴

В конце апреля 1918 г. Н. П. Лихачев передал свое детище Археологическому институту, некогда предоставившему ему первую в России кафедру дипломатики. 29 апреля институт уведомил нарком просвещения, что «принял в свое ведение библиотеку и музей письменности профессора Н. П. Лихачева», нарком наложил резолюцию: «Утверждаю. А. Луначарский».⁸⁵ Создатель музея стал его хранителем и смог возобновить в нем работу.

А через два года после вынужденного отъезда из Петрограда появилась возможность вновь приступить к ученой деятельности. 6 июня 1919 г. правление Российской государственной археологической комиссии (РГАК) утвердило Н. П. Лихачева временным научным сотрудником по отделу древностей русских (с 1 мая того же года).⁸⁶ Без промедления жаждавший деятельности ученый пригласил членов отдела в свой дом на особое совещание по вопросу о задачах изучения русской миниатюры и выступил с докладом «Русская старинная миниатюра и задачи ее изучения».⁸⁷ Вслед за этим Н. П. Лихачев развернул активную работу по созданию в РГАК комиссии по изучению миниатюры: составил с присутствующими ему глубиной и размахом «Предположения» о ее задачах,⁸⁸ добился издания инструкции по описанию рукописей с миниатюрами, занялся утверждением штата комиссии и подбором ее личного состава.⁸⁹

В это время РГАК была ликвидирована, и вместо нее по декрету Малого Совнаркома за подписью В. И. Ленина создана Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК),⁹⁰ в которой Н. П. Лихачев стал ученым сотрудником разряда археологии и искусства раннехристианского и византийского, входившего в археологическое отделение, и продолжил труды в созданной им комиссии. Были и командировки в Москву, иногда на несколько месяцев, «со специальным научным поручением для личных переговоров с находящимися в Москве учеными специалистами об участии их в научных предприятиях образованной при Академии постоянной комиссии по изучению миниатюры, а также для обзора и изучения лицевых рукописей с миниатюрами в Историческом музее и для исследования византийских моливдулов».⁹¹ Он составил и подал в совет Академии проект расширения «сферы предметов изучения» комиссии,⁹² определил задачи для своего важного труда «Обзор материалов для хроноло-

пического распределения миниатюр славянских и русских рукописей».⁹³ Работа над обзором шла трудно: «Конечно, нечего было и думать о систематическом обзоре. Надо было торопиться и вырывать отдельные звенья и факты на записки. Условия работы — Исторический музей только по средам и субботам до двух часов, Румянцевский музей — мороз. Несчастья с обысками. Несчастье с кражей».

Утрата результатов долгих трудов — тяжкий удар для ученого. Н. П. Лихачеву выпало пережить и такое: в апреле 1920 г. у него был украден чемодан. «Первоначальный текст был уже одобрен комиссией к печати, когда Н. П. Лихачев, — писал он в отчете, — командированный в Москву захватил его с собою для дополнений по новым собраниям Исторического музея и переработки в возможно полном виде. В два месяца текст был доведен до конца, но, к сожалению, не только рукопись исследования (до 7 печ. л.), но и черновые наблюдения вместе с исследованиями по византийской сигиллографии и с многими оригиналами византийских печатей были похищены на Николаевском вокзале в Петербурге. Утрата черновых записей по исследованию рукописей, ведшемуся в течение многих лет, препятствует целостному восстановлению исследования».⁹⁵ Н. П. Лихачев выдержал этот удар в значительной мере благодаря поддержке друзей, прежде всего А. В. Орешникова из Исторического музея.⁹⁶

В том же 1920 г. он сделал в РАИМК 3 доклада и 3 сообщения,⁹⁷ составил проект экспозиции своей комиссии в задуманном РАИМК универсальном музее. Участвовал в работе комиссии по нумизматике и глиптике, созданной по «Предположениям», поданным им в 1919 г. и по размаху не уступающим программе работы комиссии по изучению миниатюры,⁹⁸ выступал там с докладами. Выступал с докладами и на известных «средах» Академии в Мраморном дворце.⁹⁹ Подготовил исследование «Литературно-политическая обработка житий русских святых в конце XV в.», занимался изучением вновь открытых памятников древнейшей русской иконописи и другими интересовавшими его темами.¹⁰⁰ С 1922 г. возобновил подготовку сфрагистических памятников византийского периода для задуманного четверть века назад издания. Всячески содействовал также работе ученых разных специальностей по исследованию и описанию предметов, находящихся в его Палеографическом кабинете, как тогда именовался музей.¹⁰¹

Н. П. Лихачев работал в ГАИМК до 1929 г., хотя после назначения директором Музея палеографии АН СССР не мог отдавать этой работе так много сил, как в первые годы. Следует отметить, что и после возвращения из ссылки Н. П. Лихачев, лишенный всех званий и возможности нормально работать, получал повестки на заседания в ГАИМК, один раз даже на конверте был именован «академиком» — в Академии его не забыли.¹⁰³

Наряду со штатной работой в ГАИМК Н. П. Лихачев выступал с докладами в Обществе любителей древней письменности, продолжал участвовать в деятельности Археографической комиссии, где подготовил и в 1922 г. издал «Рогожский летописец» (ПСРЛ, 2-е изд. Т. 15. Вып. 1). В 1921 г. Археографическая комиссия «признала в принципе желательным поместить архив Н. П. Лихачева в „Русскую историческую библиотеку“, наименовав его „Архив Н. П. Лихачева“,¹⁰⁴ но это определение осталось, к сожалению, без последствий.

Были и большие человеческие радости. В год, когда ученому исполнилось шестьдесят лет, новые силы и желания трудиться ему прибавила поддержка научной общественности, проведенной в ГАИМК, в Историческом музее в Москве и в других научных учреждениях и обществах заседания в честь тридцатилетия присуждения ему ученой степени доктора.¹⁰⁵ Чествование ободрило старого и больного человека в этот трудный для отечественной интеллигенции 1922 г.

Зимой 1924 г. появилась возможность и необходимость возобновить работу по завершению Музея, прерванную весной 1917 г. Во-первых, нашлись дрова для отопления не только помещений на втором этаже дома, где расположил

свои учебные кабинеты Археологический институт (с 1923 г. ставший археологическим отделением факультета общественных наук Государственного Петроградского университета), и на третьем, где были поселены семьи служащих университета, оказавшиеся без крова после наводнения осенью 1924 г., но и тех помещений, в которых хранились лихачевские сокровища. Во-вторых, с начала 1924 г. велась стойчивая Н. П. Лихачеву больших волнений подготовка к его избранию в действительные члены Академии наук, членом-корреспондентом которой он был избран 29 декабря 1901 г., и связанная с этим передача Музея Академии. Первым затеял подготовку академ. А. И. Соболевский еще зимой 1920 г., о чем сообщил А. В. Орешников: «Он предложит Вас в Академию в первую же свою поездку в Петербург, приблизительно в марте; он уверен, что избрание Ваше обеспечено». Результата первая попытка А. И. Соболевского не имела. Новая попытка была предпринята им и С. Ф. Платоновым в начале 1924 г., об ее успехе последний не замедлил уведомить: «Наконец прорвалась одна из плотин на Вашем пути в Академию. Второе отделение решило ввести Вас на вакансию Иконникова». ¹⁰⁷ Н. П. Лихачев откликнулся: «Президиум Академии меня положительно пугает, но все равно, не впервой сражаться». ¹⁰⁸

Осенью того же года Н. П. Лихачев пригласил специалистов для совещания по вопросам о положении Палеографического кабинета, которое наметило основные меры по упорядочению его разнообразных коллекций. ¹⁰ Затем он обратился через посредство председателя Археографической комиссии (членом которой, напомним, состоял с 1894 г.) академ. С. Ф. Платонова в общее собрание Академии наук с просьбой ходатайствовать о передаче ей из ведения университета Палеографического кабинета с присоединением его к Археографической комиссии; после согласования с Главнаукой кабинет перешел в ведение Академии и по постановлению ее Конференции весной 1925 г. стал самостоятельным учреждением Академии наук. ¹¹⁰

1 августа 1925 г. «исполнилось и его заветное желание». ¹¹¹ Общее собрание Российской Академии наук единогласно избрало Н. П. Лихачева в действительные члены по кафедре русской истории как занимающего «исключительно выдающееся положение среди русских ученых гуманитарного профиля». ¹¹² Краткая академическая формулировка безусловно соответствовала реальной репутации. Вот как оценивал Н. П. Лихачева в год его шестидесятилетия заведующий отделом нумизматики Исторического музея А. В. Орешников: «Я чту Вас как замечательного ученого, полного таких знаний, которыми едва ли кто в России обладает. Всегда были и будете путеводной звездой, указывающей путь всякому, идущему к намеченной цели. Дай Бог, прожить Вам еще долго, долго на славу русской науки. Ведь Вы единственный в России, привлечший материальные памятники к научным источникам; все наши историки, думаю, без исключения, кроме книжных и архивных материалов ничего не знают; Вы же блестяще доказали своими многочисленными исследованиями, как важны памятники материальной культуры». ¹¹³

27 октября того же года Президиум Академии наук официально поручил академику Н. П. Лихачеву исполнять обязанности директора Палеографического кабинета, которые он уже по сути дела исполнял с 15 августа 1925 г. ¹¹⁴ Близился двухсотлетний юбилей Академии, надвигались юбилейные мероприятия. Надо было готовить и кабинет, переименованный с осени 1925 г. в Музей палеографии Академии наук СССР. В декабре пришли и первые любознательные посетители. ¹¹⁵ В последующие четыре года Музей «по требованию академического начальства оставался открытым во все выходные дни, что принудило директора Музея, дававшего посетителям объяснения, отказаться от каких-либо отпусков и дней отдыха». ¹¹⁶ «Впрочем, по мнению В. Н. Бенешевича, — Николай Петрович и сам едва ли был бы способен провести хоть день вдали от своего детища, и для него было радостно, когда он видел живой интерес к своим коллек-

¹¹⁷
циям».

Снова начались кропотливые и основательные занятия любимым делом: историческим источниковедением и устройством Музея, столь счастливо уцелевшего в годы революции, гражданской войны и послевоенных трудностей. Можно было работать в Академии истории материальной культуры, участвовать в делах Академии наук, возобновить переписку с зарубежными коллегами. Так прошло четыре года.

В конце 1929 г. началась реорганизация всей системы научных учреждений, в том числе Академии наук, «вызванная, — по иносказанию современника, — ряд должностных и иных перемещений».¹¹⁸ 9 ноября С. Ф. Платонов, академик-секретарь отделения гуманитарных наук, председатель Археографической комиссии, был освобожден от этих и других должностей в связи с «вопросом о хранении политических документов в АН СССР и учитывая постановление СНК от 5 ноября 1929 г.».¹¹⁹ Председателем Археографической комиссии был временно назначен Н. П. Лихачев, но через две недели «по собственной просьбе» освобожден.¹²⁰

Разворачивалось так называемое «академическое дело»; представление о нем дает та часть воспоминаний Н. П. Анциферова, которую он назвал «Шахтинское дело научной интеллигенции», примечания к этой публикации¹²¹ и недавняя статья В. С. Брачева.¹²² С конца 1929 г. начались аресты многих лиц, работавших в возглавляемых С. Ф. Платоновым учреждениях. Арестован был он сам и академики Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский. Н. П. Лихачев был арестован 28 января 1930 г.¹²³ по подозрению в «активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации».¹²⁴

Следствие было закончено летом 1931 г., однако еще 2 февраля 1931 г. чрезвычайное общее собрание АН СССР на основании «установления факта участия четырех действительных членов Академии наук СССР: С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачева и М. К. Любавского в контрреволюционном заговоре» и, согласно статье 19 Устава Академии, «единогласно» постановило исключить их из действительных членов.¹²⁵ Так в протоколе. На деле известно, что А. П. Карпинский, первый избранный демократическим путем (в 1917 г.) президент Академии, возражал против исключения. Кроме того, на собрании присутствовало меньше половины членов Академии (если учесть, что четыре арестованных академика при созыве собрания еще были ее членами).

Заключительное слово непременного секретаря Академии В. П. Волгина 27 июня 1931 г. на чрезвычайной сессии АН СССР раскрывает суть «реорганизации». Призвав к преодолению идеологии «чистой науки» и «нейтральности» как нездоровой реакции на настроения общественных классов, неспособных в данный исторический момент выступить на арене классовой борьбы с открытым забралом, он решительно заявил: «И в тот критический момент, когда пролетарская общественность страны ребром поставила перед Академией вопрос, может и желает ли она войти в качестве одного из отрядов в ряды великой армии борцов за социализм, Академия смогла ответить: да».¹²⁶ Твердое подтверждение этому положению дал официальный глава тогдашней исторической науки и инициатор ее реорганизации М. Н. Покровский в речи в Институте красной профессуры 1 декабря 1931 г.¹²⁷ Крупнейшие представители «буржуазной историографии» были устранены. «Административно-командные методы историка М. Н. Покровского (...) были очень сходны с действиями Сталина, — считает Е. И. Дружинина, — он повинен в репрессиях 1930 г., когда за решеткой оказались не только „буржуазные“ ученые». Немало постарался М. Н. Покровский и для «реорганизации» архивного дела в стране.¹²⁹ Вскоре после его смерти пришел, как известно, черед и его школы.

Согласно обвинительному заключению, Н. П. Лихачев «являлся одним из создателей контрреволюционной организации „Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России“, ставившей своей целью свержение Советской власти и установление конституционно-монархического строя». Постановле-

нием коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. осужден к высылке в г. Астрахань сроком на 5 лет с зачетом предварительного заключения и без конфискации имущества.¹³⁰ Несообразно мягкий по сравнению с обвинением приговор наводит на мысль, что готовился и не удался большой показательный процесс научной интеллигенции (три других академика также были отправлены в ссылку на тех же условиях).

Едва устроившись в Астрахани, Н. П. Лихачев в беспокойстве пишет неперенному секретарю Академии наук В. П. Волгину, тревожась о сохранении «смысла некоторых коллекций, имевшихся в моем бывшем Музее».^m Беспокойство было тем более основательным, что ему не пришлось присутствовать при обыске в доме. Эта тревога за судьбу дела своей жизни читается во всех сохранившихся письмах Н. П. Лихачева из ссылки. Она удручает его, старого, больного, испытывавшего нравственный и интеллектуальный голод человека, больше, нежели тяготы жизни ссыльного, лишенного средств к существованию, встретившего в ссылке свое семидесятилетие. Тяготы усугублялись ясным пониманием истинной причины горестного поворота своей судьбы. «Я по совести и перед Советской властью, — писал он, — не заслужил ни смертной казни, ни казни вообще. Я всю жизнь был кабинетным ученым и никогда ни одной строки не написал против марксизма. Я только не могу признать, что вся „буржуазная“ литература по гуманитарным наукам не научна и подлежит забвению и уничтожению». Привыкшего всю жизнь трудиться ученого угнетала невозможность найти себе в ссылке профессиональное трудовое применение.

Через два года, 13 августа 1933 г., коллегия ОГПУ в Москве по прошению жены и вследствие плохого состояния его здоровья вынесла решение отправить Н. П. Лихачева в Ленинград для лечения.¹³³ Получив 17 сентября в Астраханском ОГПУ удостоверение «административно высланному бывшему академику Н. П. Лихачеву, что следует в Ленинград для производства операции», Николай Петрович смог выехать через Москву в Ленинград.¹³⁴ Лишь после четырехмесячных мытарств ему удалось добиться получения 4 февраля 1934 г. паспорта на проживание в г. Ленинграде сроком на три года «с возвращением в число „научных работников“»,¹³⁵ а после этого еще претерпеть долгие унижительные хождения по кабинетам, чтобы получить продуктовые карточки.¹³⁶

Не приходилось надеяться на возвращение в Академию наук, ГАИМК, Археографическую комиссию, просто к нормальной работе: «Воскресают научные интересы при сознании всей обстановки и своих сил!» — писал Н. П. Лихачев В. Н. Бенешевичу.¹³⁷

Начинается затянувшаяся до конца жизни (а срок был отпущен всего два года) и унижительная для старого и больного ученого, добровольно передавшего все свои уникальные собрания государству, борьба за возвращение собственных автографических работ, выдачу личных вещей, возможную компенсацию за семейное имущество, компенсацию за экземпляры его изданий, увезенные в Академию, значительная часть которых была в отсутствие владельца продана через «Международную книгу».¹³⁸ Волокита тянулась до самой кончины Н. П. Лихачева и принесла ему не много успехов¹³⁹ — в немалой мере с «легкой руки» директора Института книги, документа и письма (ИКДП, созданного на основе Музея палеографии)^{no} акад. А. С. Орлова, «старого приятеля и низкопоклонника Николая Петровича, который, — по свидетельству А. И. Хоментовской, — завладел даже личными, начатыми работами Лихачева и не пожелал их ему вернуть».^m

Столь же удручающе и безрезультатно окончилась попытка сотрудничать в ИКДП — ему «не удалось добиться возможности поработать в Музее на правах даже рядового сотрудника».¹⁴² Едва хватало и средств на повседневную жизнь.¹⁴³ Но, вероятно, главное — не сбылась последняя надежда. Вернувшись из ссылки, Н. П. Лихачев последние два года пытался довести до конца и хоть в каком-нибудь виде опубликовать издание «Материалы для истории русской и

византийской сфрагистики», которое он готовил долго и кропотливо и считал лучшей из своих работ: «В ней нов не только материал, собранный в течение трех десятилетий, но и освещение, новы были и идеи...».¹⁴⁴ Уже первый выпуск вышел в 1928 г. с издательскими трудностями, второй же был приостановлен в 1930 г., и большая часть готового тиража была уничтожена. Безуспешными оказались и последние отчаянные усилия ученого обнародовать свою работу.

Доктор русской истории Николай Петрович Лихачев скончался после тяжелой болезни 14 апреля 1936 г. от гангрены, после ампутации левой ноги, давно его беспокоившей, не прожив и тех трех лет, на которые ему был выдан с трудом выхлопотанный паспорт. Могила его находится на Крещенской дорожке Смоленского кладбища в Ленинграде, одного из умирающих исторических некрополей города.¹⁴⁵

В его большой, наполненной неустанными трудами жизни, были борьба за научные идеи и борьба за место в жизни, постоянная неудовлетворенность и счастье исследовательского труда, подвижнический труд ученого и коллекционерская одержимость и удача, счастье растить детей и несчастье видеть свои мечты об их будущем несбывшимися, трагическое расставание со страстно любимыми иконами, трагический исход одного из важнейших научных дел жизни (кража, затем невозможность издать), трагедия неосуществимости многих созревших замыслов, не доведенный до конца грандиозный замысел Музея.

«Николай Петрович Лихачев далеко не дал в науке того, что мог и хотел дать; несчастье 1930—1934 гг. застигло его как раз в тот момент, когда он приступил к подведению итогов всей своей работы. Но и сделанного достаточно для того, чтобы обеспечить имени Николая Петровича Лихачева одно из почетнейших мест в истории науки. Широтой и разнообразием своих замыслов, самоотверженной энергией в деле их осуществления, умением сосредоточить внимание на главном и важном без ущерба для исследования и мелочей Николай Петрович достиг того, что его труды будут лежать в основе каждой попытки нового освещения ряда труднейших вопросов русской истории и не только русской» — такими верными и прочувствованными словами В. Н. Бенешевич подвел итог научной работы Н. П. Лихачева.¹⁴⁶

Сегодня всякий, подойдя к дому № 7 по Петрозаводской улице в Ленинграде, может прочитать надпись на памятной доске: «В этом доме с 1902 г. по 1936 г. жил и работал выдающийся историк академик Николай Петрович Лихачев».¹⁴⁷ В 1968 г. Николай Петрович решением Президиума Академии наук был восстановлен в звании академика, а за год до этого полностью реабилитирован: «Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20 июля 1967 г. постановление коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. в отношении Н. П. Лихачева отменено, и дело прекращено за отсутствием события преступления».¹⁴⁸ И только в марте 1990 г. вместе со многими другими ранее исключенными был Общим собранием Академии восстановлен в ее составе.

Каково сегодня, через полвека после ухода из жизни выдающегося русского ученого и коллекционера его наследие, доставшееся потомству?

. Напечатанные им труды вошли в неделимый фонд отечественной исторической науки. Ждут своего часа работы, оставшиеся в рукописи: «Громадную услугу византиноведению, — обращался не столько к современникам, сколько к потомкам В. Н. Бенешевич, — оказал бы тот, кто поспособствовал бы изданию неизданных трудов Н. П. Лихачева»¹⁴⁹ (и, добавлю, другим историческим дисциплинам, которыми занимался ученый). Две работы уже напечатаны,¹⁵⁰ подготовлены к печати многолетними трудами А. В. Банк и В. С. Шандровской «Материалы для истории русской и византийской сфрагистики» и, будем надеяться, скоро увидят свет. Очевидно, пришло время издать и переиздать и многие другие работы Н. П. Лихачева, что послужило бы на пользу отечественной исторической науке и было бы лучшей данью памяти и заслугам ученого.

Остались коллекции. Н. П. Лихачеву не удалось в полной мере осуществить замысел единственного в своем роде Музея, который был дерзостной и гени-

альной попыткой воплотить определенным образом осознанную и четко сформулированную идею целостного подхода к культуре, ныне вновь занимающую пытливые умы. Он выработал программу, собрал потрясающий по охвату и полноте материал, начал создавать экспозиции. Однако преобразования, которые претерпел Музей в 30-е гг., имели следствием неизбежное: он распался, разошелся по музеям и библиотекам и перестал существовать как целое. Но сохранился в отдельных коллекциях, увы, безвозвратно утраченных как органические элементы грандиозного, близившегося к осуществлению замысла: в Государственном Эрмитаже, Отделе рукописей и редких книг Библиотеки Академии наук СССР, Историческом музее, Музее истории религии и атеизма, Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ). В последнем из перечисленных учреждений находится единственный сохранившийся целиком и неразрозненным раздел Музея — рукописи (русские, славянские, греческие, западноевропейские) и автографы. Наряду с коллекцией икон это была самая любимая, азартно собранная, обширная и особо ценная часть лихачевских коллекций.¹⁵¹ Вместе с библиотекой лихачевские рукописи и автографы в 1966 г. вернулись в дом, построенный для них Н. П. Лихачевым и покинутый за тридцать лет до этого, а ныне отмеченный доской в память ученого.

Труд жизни выдающегося русского ученого и коллекционера продолжается, а его имя обретает достойное его неустанных трудов памятное место.

Примечания*

¹ Лихачев Н. П. Сведения биографические. 1919 Г./ЛО ААН, ф. 246 (Н. П. Лихачева), оп. 2, ед. хр. 7, л. 54; Записка Н. П. Лихачева о составе его архива//Летопись занятий Археологической комиссии за 1919—1922 гг. Пг., 1923. Вып. 32. С. 64.

² Записка Н. П. Лихачева... С. 64.

³ Лихачев Н. П. Сведения биографические, л. 54—55; Н. П. Лихачев — Д. Ф. Кобеко, б. д./ОР ГПБ, ф. 354 (Д. Ф. Кобеко), ед. хр. 74, л. 26 об.

⁴ Н. П. Лихачев — неустановленному лицу, б. д./ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 62, л. 60; Лихачев Н. П. Сведения биографические, л. 55.

⁵ См.: Проблемы источниковедения. М., 1969; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977; Лихачев Д. С. Текстология. Л., 1983; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

⁶ Н. П. Лихачев — В. В. Розанову, 13/26 августа 1918 Г./ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 523, л. 12. См. также: «Старался объяснить отечественные памятники путем исследования прототипов и иноземных влияний» (Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914). М., 1915, Т. 2. С. 206).

⁷ Н. П. Лихачев — М. С. Боровковой-Майковой, 17 января 1933 г., из Астрахани/ЛО ААН, ф. 738, оп. 4, ед. хр. 40, л. 1 об.; ср.: [Лихачев Н. П.]. Музей палеографии. Л., 1925. С. 1.

⁸ Н. П. Лихачев — М. С. Боровковой-Майковой, 18 августа 1933 г., из Астрахани/ЛО ААН, ф. 738, оп. 4, ед. хр. 40, л. 5. Некоторое представление о размахе задуманного дает перечень начатых работ (Лихачев Н. П. Сведения биографические, л. 56, а также: Записка Н. П. Лихачева... С. 66).

⁹ И тем и другим пользовались многие ученые, находившие там бесценное подспорье в своей профессиональной работе. Прекрасные слова написала А. И. Хоментовская на своей книге «Кастильоне, друг Рафаэля» (Пг., 1923): «Николаю Петровичу Лихачеву, без библиотеки которого эта книжка не могла бы быть написана, от автора, в знак благодарности». И свою последнюю работу она также посвятила «памяти русского библиофила академика Н. П. Лихачева» (Хоментовская А. И. К истории книг и библиотек по завещаниям гуманистов и ученых итальянского Возрождения//Средние века. М., 1963. Вып. 24. С. 217). О А. И. Хоментовской см.: Каганович Б. С. Анна Ильинична Хоментовская//Средние века. М., 1989. Вып. 52.

¹⁰ Отдельные стороны деятельности и трудов Н. П. Лихачева затронуты в ряде работ, в том числе и специально ему посвященных: Соловьев Н. В. Николай Петрович Лихачев//Антиквар. 1902. № 6. С. 177—180; Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804—1904). Казань, 1904. Ч. 1. С. 121—122; Тарасов Н. Николай Петрович Лихачев//Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. 1909. Т. 27. Стб. 263—264; Императорское

* Предваряя примечания, в которых содержится так много ссылок на фонды Ленинградского отделения Архива АН СССР, автор считает своим долгом поблагодарить сотрудников отделения за благожелательное содействие в работе.

Московское археологическое общество... С. 206—207; дополнение, с. 109—110 — «лучшая моя биография» (Н. П. Лихачев — С. Ф. Платонову, 1/14 января 1924 г.//ОР ГПБ, ф. 585, П, ед. хр. 1179, л. 15 об.); Янин В. Л. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева//Сов. археология. 1962. № 2. С. 10—18; Люблинский В. С. Научное значение инкунабулов//Каталог инкунабулов БАН/Сост. Е. И. Боброва. М.; Л., 1963. С. 38; Верков П. Н. 1) О людях и книгах: (Из записок книголюба). М., 1965. С. 83—124; 2) Русские книголюбы: Очерки. М.; Л., 1967. С. 267—271; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 7—11 (книга «посвящается светлой памяти Николая Петровича Лихачева»); Валк С. Н. Николай Петрович Лихачев//Вспомогательные ист. дисциплины. Л., 1978. Вып. 9. С. 335—340; Соболева Н. А. Развитие отечественной сфрагистики//Вопр. истории. 1985. № 2. С. 48—63; Горнунг М. Б. К столетию Московского кружка нумизматов//Новые нумизматические исследования. М., 1986. (Тр. Гос. Ист. музея. Вып. 61; Нумизматический сб. Ч. 9). С. 165; Пятницкий Ю. А. О некоторых иконах из собрания Эрмитажа//Восточное Средиземноморье и Кавказ: IX—XVI вв. Л., 1988. С. 126—140; Климанов Л. Г. Н. П. Лихачев и подделки//Вспомогательные ист. дисциплины. Л., 1989. Вып. 21; Каменцева Е. И., Устюгов И. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974; Кашианов С. М. Русская дипломатика. М.,* 1988; Аксенов А. Н. Очерк истории генеалогии в России: История и генеалогия. М., 1977; Бычков М. Е. 1) Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975; 2) Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986; Паишлов А. М. Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном образовании в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; ряд интересных докладов и сообщений был сделан на заседании ученого совета ЛОИИ в 1982 г.

¹¹ Н. П. Лихачев — Н. Г. Лихачевой, 31 августа 1909 г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 13, л. 43 об. — 45.

¹² Н. П. Лихачев — С. Ф. Платонову, 1924 или 1925 г.//ОР ГПБ, ф. 585, П, ед. хр. 1179, л. 17 об.

¹³ Один из первооткрывателей культурного значения таких гнезд, Н. П. Лихачев написал об этом и о своих предках замечательную книгу «Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки» (СПб., 1913), получившую много одобрительных откликов в газетах и журналах.

¹⁴ О событиях в Казанском университете в 1880—1884 гг. см.: Корбут М. К. Казанский государственный университет им. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/5—1929/30). Казань, 1930. Т. 2. С. 93—144.

¹⁵ Н. П. Лихачев — И. В. Помяловскому, май 1892 г.//ОР ГПБ, ф. 608 (И. В. Помяловского), № 957, л. 14 об.

¹⁶ Н. П. Лихачев — В. М. Васнецову, 1 ноября 1907 г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 4, л. 1 (отпуск письма).

¹⁷ Боровкова-Майкова М. С. Мои воспоминания об академике Н. К. Никольском и Н. П. Лихачеве (апрель 1936 г.)//ЛО ААН, ф. 738 (В. В. Майкова), оп. 3, ед. хр. 26, л. 21, 23, 28.

¹⁸ Н. П. Лихачев — В. В. Розанову, 13/26 августа 1918 г.//ЦГАЛИ, ф. 419 (В. В. Розанова), оп. 1, № 523, л. 12 об.

¹⁹ Н. П. Лихачев — неустановленному лицу, б. Д.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 17, л. 11 об.

²⁰ Н. П. Лихачев — неустановленному лицу, 1905 или 1906г. (черновик)//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 62, л. 62.

²¹ См. приветствие Русского собрания по случаю двадцатипятилетия Археологического института//Императорский Археологический институт в СПб.: Речи, приветствия... СПб., 1908. С. 33. (Среди подписей под приветствием стоит имя Н. Рериха).

²² См. некоторые материалы в фонде Н. П. Лихачева//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 62, л. 6—59, 63—68, 82—84.

²³ Когда ему пришлось принять службу по выборам присяжным заседателем, он всячески пытался от нее освободиться (Архив ГПБ, ф. ИПБ, оп. 1, 1902, № 35а, л. 32).

²⁴ Бенешевич В. Н. Николай Петрович Лихачев (некролог), 5 сентября 1936 г.//ЛО ААН, ф. 192 (В. Н. Бенешевича), ед. хр. 69, л. 19.

²⁵ Н. П. Лихачев — неустановленному лицу, б. Д.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 62, л. 60.

²⁶ Н. П. Лихачев — М. С. Боровковой-Майковой, 18 августа 1933 г., из Астрахани//ЛО ААН, ф. 738 (В. В. Майкова), оп. 4, ед. хр. 40, л. 5 об.

²⁷ «Четвертый крестовый поход и Латинская империя в Константинополе: Исторический очерк по некоторым печатным источникам и пособиям с подробным изложением хроники Генриха Валансьенского/Сост. студент Николай Лихачев. Казань, 1883. 845 с. (Рукопись, автограф, хранится в ЛОИИ СССР АН СССР).

²⁸ Там же. С. XXIII.

²⁹ Формулярный список о службе Н. П. Лихачева//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 17, л. 1. об.

³⁰ Докладная помощника директора Публичной библиотеки Н. П. Лихачева — директору Д. Ф. Кобеко, 9 июня 1903 г.//Архив ГПБ, ф. ИПБ, оп. 1 — 1902 г.

³¹ Формулярный список о службе Н. П. Лихачева, л. 6 об. О проделанной им только за один год огромной работе можно судить по: Лихачев Н. П. Отчет о занятиях с 1 мая 1886 г. по 1 апреля 1887 г.//Учен. зап. Казанского университета. 1887. С. 166—190.

³² Формулярный список о службе Н. П. Лихачева, л. 5 об.

³³ Там же, л. 6 об.

³⁴ «Результатом трех лет работы на свой счет и издания огромной книги является долг в две с половиной тысячи рублей» (Н. П. Лихачев — Н. А. Попову, 9 февраля 1889 г.//ОР ГБЛ, ф. 239 (Н. А. Попова), оп. 12, ед. хр. 37, л. 1 об.); «Ресурсы мои истощены, финансы отца в крайне плохом состоянии» (Н. П. Лихачев — И. В. Помяловскому, февр. 1889 г.//ОР ГПБ, ф. 608 (И. В. Помялов-

- ского), ед. хр. 957, л. 7-7 об.); первый, незначительный гонорар Н. П. Лихачев получил только в 1908 г. за рецензию на труд Ш. Брике о филиграниях, опубликованную в одном специальном европейском журнале (см.: Записка Н. П. Лихачева, б. Д./ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 93, л. 12).
- ³⁵ Н. П. Лихачев — Н. Г. Лихачевой, 5 августа 1913 г./ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 13, л. 66 об.
- ³⁶ Доклад Н. П. Лихачева в Русском генеалогическом обществе 17 ноября 1916 г. (В обществах и собраниях: в Русском генеалогическом обществе//Новое время. 1916. 20 ноября/3 дек. № 14624).
- ³⁷ См.: Новое время. 1888. 24 дек. № 4607.
- ³⁸ Н. П. Лихачев — И. В. Помяловскому, 21 января 1889 г./ОР ГПБ, ф. 608, ед. хр. 957, л. 6—7, 9.
- ³⁹ Н. П. Лихачев — А. С. Суворину, 26 декабря 1889 г./ЦГАЛИ, ф. 459 (А. С. Суворина), оп. 1, ед. хр. 2365, л. 3—3 об.
- Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Кн. 10.
- ⁴¹ По поводу диспута Н. П. Лихачева//Казанские вести. 1892. 5 мая. № 111.
- ⁴² Ш. М. Брике — Н. П. Лихачеву, 16 октября, 6 ноября, 2 декабря 1893 г., из Женевы//ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 94, л. 4—4 об., 9—9 об., 13—13 об.
- ⁴³ Н. П. Лихачев — В. В. Майкову, б. д./ЛО ААН, ф. 738, оп. 2, ед. хр. 64, л. 1 об.—2.
- ⁴⁴ Н. П. Лихачев — А. С. Суворину, 1904 г./ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 2365, л. 5—5 об.
- ⁴⁵ Н. П. Лихачев женился в феврале 1894 г. на Наталье Геннадиевне Карповой (1873—1957 или 1958), дочери историка профессора Г. Ф. Карпова (любимого ученика С. М. Соловьева) и А. Т. Морозовой. От этого брака родилось десять детей (один из которых умер в младенчестве). А. Т. Морозова, дочь известного Тимофея Саввича Морозова (хотя до своей смерти в 1911 г. всеми морозовскими капиталами распоряжалась его вдова, мать Анны Тимофеевны), чем могла помогала дочери, зятю и их детям. Но, как писал в 1895 г. Н. П. Лихачев, «я женат на бабушкиной внучке, но у меня отнюдь нет бабушкиных капиталов» (Н. П. Лихачев — И. В. Власову, 17 января 1895 г./ОР ГБЛ, ф. 218, № 191, ед. хр. 15, л. 3). См. также: *Боханов А. Н.* Савва Морозов//Вопр. истории. 1989. № 4. С. 69—84.
- ⁴⁶ Н. П. Лихачев — В. В. Майкову, б. Д./ЛО ААН, ф. 738, оп. 2, ед. хр. 64, л. 2 об. См. также: Докладная Н. П. Лихачева — Д. Ф. Кобеко, 9 июня 1903 г.
- ⁴⁷ Н. П. Лихачев — А. И. Соболевскому, 6 августа 1925 г./ЦГАЛИ, ф. 449, оп. 1., ед. хр. 230, л. 9.
- ⁴⁸ Формулярный список о службе Н. П. Лихачева, л. 6 об.
- ⁴⁹ Н. П. Лихачев — А. И. Соболевскому, 6 августа 1925 г./ЦГАЛИ, ф. 449, оп. 1, ед. хр. 230, л. 9.
- ⁵⁰ После преобразования института в археологическое отделение ф-та общественных наук Петроградского ун-та читал курсы студентам университета до 1926 г.
- ⁵¹ *Лихачев Н. П.* 1) Дипломатика. СПб., 1901; 2) Из лекций по сфрагистике. СПб., б. г.; 3) Из истории дипломатики (XIX в.). СПб., 1906; 4) Древнейшая сфрагистика. СПб., 1906.
- ⁵² Императорский Археологический институт в СПб. СПб., 1908. С. 7—17. Формально Н. П. Лихачев, по-видимому, профессорского звания не имел. В документах есть ряд несоответствий, в одном архивном деле указано, что он был профессором с 1900 г. (ЛО ААН, ф. 4, оп. 4. ед. хр. 1582, л. 2), тогда как при получении очередного чина в 1907 г. и в адрес-календарях с 1900 по 1916 г. он назван преподавателем V класса. В этом предстоит разобраться более основательно.
- ⁵³ Формулярный список о службе Н. П. Лихачева, л. 6 об.
- ⁵⁴ Формулярный список о службе Н. П. Лихачева//ЛО ААН, ф. 133, оп. 1а, № из 39, л. 84 об. В то же время в книге «Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914» (СПб., 1914, с. 473) указано, что чин действительного статского советника получен 1 янв. 1907 г.
- ⁵⁵ «Личный выбор Д. Ф. Кобеко» (Записка Н. П. Лихачева, 1905 г./ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 17, л. 11).
- ⁵⁶ Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814—1914. СПб., 1914. С. 473.
- ⁵⁷ Н. П. Лихачев — Н. Г. Лихачевой, 11, 24, 27 апреля 1909 г., 4 августа 1913 г./ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 13, л. 33, 39, 40, 61 об.
- ⁵⁸ *Лихачев Н. П.* Сведения биографические, л. 56.
- ⁵⁹ Н. П. Лихачев — Н. Г. Лихачевой, 11 апреля 1909 г./ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 13, л. 34 об.; Н. П. Лихачев — В. И. Саитову, 1 февраля 1914 г./ЦГАЛИ, ф. 437 (В. И. Саитова), оп. 1, ед. хр. 203, л. 4; Н. П. Лихачев — Д. Ф. Кобеко, февраль 1914 г./ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 10, л. 1—1 об. (черновик или отпуск); *Боровкова-Майкова М. С.* Мои воспоминания ..., л. 20 об., 22—22 об., 27 об.
- ⁶⁰ С. Ф. Платонов — Н. П. Лихачеву, 15 марта, 7 апреля 1923 г., 10 января 1924 г./ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 306, л. 3, 5, 8 об.
- ⁶¹ Его решительное поведение в библиотеке в декабре 1905 г., возможно, не будет истолковываться в свете его личных политических убеждений (см.: История Государственной Публичной библиотеки. Л., 1963. С. 126), а рассматриваться как твердое намерение охранить книжные сокровища от эксцессов, просто уберечь библиотеку.
- ⁶² Протокол собрания специалистов, 8 ноября 1924 г./ЛО ААН, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 3, л. 35.
- ⁶³ *Георгиевский В.* Коллекция древних икон Н. П. Лихачева//Новое время. 1913. 29 июля; *Магила Г.* Н. П. Лихачев и его собрание икон//Вечернее время. 1913. 9 июля.
- См.: *Вздорное Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX в. М., 1986.

- ⁶⁵ Н. П. Лихачев — Н. Г. Лихачевой, 5 августа 1913 г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 13, л. 66 об.
- ⁶⁶ Н. П. Лихачев — Н. Г. Лихачевой, 19 августа 1913 г.//Там же, л. 74 об.
- ⁶⁷ Протокол заседания комиссии по оценке коллекции икон Н. П. Лихачева, 21 сентября 1913 г. (Гос. Русский музей. Отдел древнерусской живописи, архив). См. также: *Иволгин Б.* Нравы иконо-торговцев//Петербургский листок. 1913. 30 июля.
- ⁶⁸ Н. П. Лихачев — Н. Г. Лихачевой, 5 июля 1915 г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 13, л. 106 об.
- ⁶⁹ *Лихачев Н. П.* Сведения биографические, л. 56.
- ⁷⁰ «Я смирился — ничего не печатаю, и не подготавливаю к печати» (Н. П. Лихачев — Л. Э. Бухгейму. 14 января 1917 г.//ОР ГБЛ, ф. 663, оп. 1, ед. хр. 58, л. 4).
- Лихачев Н. П.* На чем основаны мои права на воспоминания? (Доклад в Русском обществе друзей книги в московском Доме ученых, 26 VI 1925 г.)//ЦГАЛИ, ф. 702 (М. С. Базыкина), оп. 1, ед. хр. 55, л. 1.
- ⁷² Н. П. Лихачев — А. И. Соболевскому, 3 февраля 1918 г.//ЦГАЛИ, ф. 449, оп. 1, ед. хр. 230, л. 1.
- ⁷³ Н. П. Лихачев — В. И. Саитову, 15 декабря 1917 г.//ЦГАЛИ, ф. 437, оп. 1, ед. хр. 203, л. 14.
- ⁷⁴ Н. П. Лихачев — В. И. Срезневскому, 12 сентября 1917 г.//ЦГАЛИ, ф. 436 (В. И. Срезневского), оп. 1, ед. хр. 2787, л. 2; В. И. Срезневский — Н. П. Лихачеву, 1 ноября 1917 г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 354, л. 1 — 1 об.
- ⁷⁵ Н. П. Лихачев — В. И. Саитову, 15 декабря 1917 г.//ЦГАЛИ, ф. 437 (В. И. Саитова), оп. 1, ед. хр. 203, л. 14.
- ⁷⁶ Н. П. Лихачев — В. В. Розанову, 24 ноября 1917 г.//ЦГАЛИ, ф. 419 (В. В. Розанова), оп. 1, ед. хр. 523, л. 11.
- В частности, уступлены Отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины 1310 клинописных табличек Древнего Востока — счет от 18 февраля 1919 г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 143, л. 1.
- ⁷⁷ Приглашение от 16 июля, удостоверение от 11 сентября 1918 г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2. ед. хр. 68, л. 3, 4.
- ⁷⁸ Заявления Н. П. Лихачева, 1918 г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 20, л. 9 об.
- ⁸⁰ Н. П. Лихачев — В. И. Саитову, 15 декабря 1917 г.//ЦГАЛИ, ф. 437, оп. 1, ед. хр. 203, л. 14.
- ⁸¹ Н. П. Лихачев — А. И. Соболевскому, 3 февраля 1918 г.//ЦГАЛИ, ф. 449 (Соболевских), оп. 1, ед. хр. 230, л. 1.
- ⁸² Н. П. Лихачев — Б. А. Тураеву, 7/20 августа 1918 г.//Архив Гос. Эрмитажа, ф. 10, оп. 1, л. 224, 1908—1918, л. 3.
- ⁸³ Н. П. Лихачев — А. С. Лаппо-Данилевскому, 29 апреля 1917 г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 19, л. 4—5; Записка А. С. Лаппо-Данилевского, 3 мая 1917 г.//ЛО ААН, ф. 1, оп. 2—1917, § 217; С. Ф. Ольденбург — Н. П. Лихачеву, 11 ноября 1917 г.//ЛО ААН, ф. 2, оп. 1—1917, № 14, л. 27; Н. П. Лихачев — С. Ф. Ольденбургу, 9 декабря 1917 г.//Там же, л. 28.
- ⁸⁴ Удостоверение от наркома за подписью Д. П. Штеренберга, 2 марта/17 февраля 1918 г.//ЛО ААН, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 3, л. 10; удостоверение от исполкома, 13 апреля 1918 г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 20, л. 5.
- ⁸⁵ Отношение Археологического института народному комиссару просвещения, 29 апреля 1918 г.//ЛО ААН, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 3, л. 1.
- ⁸⁶ Уведомление РГАК от 17 июня 1919 г. за подписью ученого секретаря Б. В. Фармаковского//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 71, л. 1. н
- ⁸⁷ Протокол заседания Русского отдела РГАК от 17 июня 1919 г.//Там же, л. 4 об.—5. Текст доклада — там же, оп. 1, ед. хр. 125.
- ⁸⁸ *Лихачев Н. П.* Предположения о задачах комиссии по изучению миниатюры и о личном составе комиссии//Там же, л. 59—60 об.
- ⁸⁹ См.: Там же, л. 82, 85—90, 91—92, 95.
- ⁹⁰ *Фармаковский Б. В.* 1) К истории учреждения Российской Академии истории материальной культуры. Пг., 1921; 2) Российская Академия истории материальной культуры в 1919—1922 гг. Пг., 1922.
- ⁹¹ Удостоверение Н. П. Лихачеву от 6 февраля 1920 г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 71, л. 107.
- ⁹² Там же, л. 110—110 об.
- ⁹³ *Лихачев Н. П.* Задачи для труда «Обзор материалов...»//Там же, л. 132.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Отчет о деятельности в 1920 г. ученого сотрудника Н. П. Лихачева//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 71, л. 136 об.
- «На что вору рукописи Ваши? Разве „цыгарки" вертать? Но бумага Ваша плотная и едва ли пригодится для этой цели. Печати он, без сомнения, бросит... Мужайтесь и надейтесь, не падайте духом» (А. В. Орешников — Н. П. Лихачеву, 15/2 мая 1920 г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 210, л. 98—99 об.).
- ⁹⁷ Отчет о деятельности в 1920 г. ..., л. 138.
- ⁹⁸ *Лихачев Н. П.* Предположения комиссии по нумизматике и глиптике относительно ее задач и состава//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 71, л. 55—56.
- ⁹⁹ Отчет о деятельности в 1920 г. ..., л. 140.
- ¹⁰⁰ Там же, л. 136 об.
- ¹⁰¹ Отчет о деятельности Палеографического кабинета в 1923/1924 г.//ЛО ААН, ф. 251, оп. 1, ед. хр. 3, л. 15—18; *Лихачев Н. П.* Музей палеографии. Л., 1925; *Фармаковский Б. В.* Отчет о дея-

- тельности ГАИМК с 1 окт. 1924 г. по 1 окт. 1925 г.//Сообщения ГАИМК, Л., 1926. Вып. 1. С. 11.
- ¹⁰² *Фармаковский Б. В.* Отчет о деятельности ГАИМК с 1 окт. 1924 г. по 1 окт. 1925 г.//Там же. С. 13; *Фармаковский Б. В.* Отчет о деятельности ГАИМК с 1 окт. 1925 г. по 1 окт. 1926 г.//Сообщения ГАИМК. Л., 1929. Вып. 2. С. 16.
- ¹⁰³ ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 71, л. 217—224.
- ¹⁰⁴ Летопись занятий Археографической комиссии за 1919—1922 гг. Пг., 1923. Вып. 32. С. 61—62.
- ¹⁰⁵ См.: Документы, относящиеся к празднованиям, 8 июня—30 октября//ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 21; *Вишневский Б. В.* Юбилей Н. П. Лихачева//Казанский музейный вестник. 1922. № 2. С. 216—223; *Денике Б.* К чествованию Н. П. Лихачева//Среди коллекционеров. 1922. № 7—8. С. 90—91.
- ¹⁰⁶ А. В. Орешников — Н. П. Лихачеву, 24/11 декабря 1920 Г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 210, л. 104.
- ¹⁰⁷ В. С. Иконников скончался 26 ноября 1923 г.; С. Ф. Платонов — Н. П. Лихачеву, 10 января 1924 г.//Там же, оп. 3, ед. хр. 306, л. 8.
- ¹⁰⁸ Н. П. Лихачев — С. Ф. Платонову, 14 января 1924 Г.//ОР ГПБ, ф. 585 (С. Ф. Платонова), III, ед. хр. 1179, л. 15 об. Об этом же см.: Н. П. Лихачев — А. И. Соболевскому, 6 августа 1925 г.//ЦГАЛИ, ф. 449, оп. 1, ед. хр. 230, л. 7.
- ¹⁰⁹ Протокол собрания специалистов, 8 ноября 1924 г., л. 61—64.
- ¹¹⁰ Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг. Л., 1926. Вып. 33. С. 50—51.
- ¹¹¹ См.: *Бенешевич В. Н.* Николай Петрович Лихачев (некролог), л. 20.
- ¹¹² *Соболевский А., Карский Е., Перетц В., Платонов С.* Записка об ученых трудах Н. П. Лихачева//Изв. АН СССР. Сер. 6. 1925. Т. 19, № 18. С. 847.
- ¹¹³ А. В. Орешников — Н. П. Лихачеву, 9 июня 1922 Г.//ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 210, л. 108 об.
- ¹¹⁴ Дело № 810: о службе Лихачева Н. П., академика//ЛО ААН, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 1592, л. 3, 5.
- ¹¹⁵ См.: Книга посещений Музея палеографии Академии наук СССР с декабря 1925 Г.//ЛО ААН, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 6, л. 2—91. Книга эта — обычная толстая ученическая тетрадь в черной клеенчатой обложке. Текст на титульном листе и даты написаны рукой Н. П. Лихачева.
- ¹¹⁶ Н. П. Лихачев — неперемому секретарю АН В. П. Волгину. Изложение дела, 25 февраля 1934 Г.//ЛО ААН, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 33, л. 3.
- ¹¹⁷ *Бенешевич В. Н.* Николай Петрович Лихачев (некролог), л. 21—22.
- ¹¹⁸ *Берков П. Н.* О людях и книгах. С. 112.
- ¹¹⁹ Протокол Президиума АН СССР, 9 ноября 1929 г. (выписка)//ЛО ААН, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 1592, л. 40.
- ¹²⁰ Заявление Н. П. Лихачева, 19 ноября 1929 Г.//ЛО ААН, ф. 2, оп. 17, ед. хр. 154, л. 36; Постановление Президиума АН СССР, 23 ноября 1929 Г.//ЛО ААН, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 1592, л. 41.
- ¹²¹ *Анциферов Н.* Из воспоминаний//Звезда. 1989. № 4. С. 132—145; С. 162—164, примеч. 50—80.
- ¹²² *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова//Вопр. истории. 1989. № 5. С. 117—129.
- ¹²³ См.: ЛО ААН, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 1592, л. 41 об.; ф. 217, оп. 1, ед. хр. 33, л. 3 об.
- ¹²⁴ Дополнение к биографической справке о Н. П. Лихачеве//ЛО ААН, ф. 246, оп. 1. «Научные труды» (со ссылкой на письмо УКГБ по Ленинградской области от 5 сентября. 1989 г.).
- ¹²⁵ Дело секретариата АН СССР, подписанные протоколы общего собрания за 1931 Г.//ЛО ААН, ф. 1, оп. 1 — 1931, о. с, ед. хр. 257, л. 11.
- ¹²⁶ Вестник АН СССР. 1931. № 1. Стб. 42—43.
- ¹²⁷ *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. М., 1933. Вып. 2. С. 405—406. См. также: Классовый враг на историческом фронте. М.; Л., 1931.
- ¹²⁸ В мастерской, где «делается» историческая наука. [Письма]//Московские новости. 1989. № 20. См. также: Пока спала муза Клио//Московские новости. 1988. № 45.
- ¹²⁹ *Чудакова М. О.* Архивы в современной культуре//Наше наследие. 1988. № 3. С. 142—143.
- ¹³⁰ Дополнение к биографической справке о Н. П. Лихачеве.
- ¹³¹ Н. П. Лихачев — В. П. Волгину, 17 сентября 1917 Г.//ЛО ААН, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 33, л. 39—40 об.
- ¹³² Н. П. Лихачев — М. С. Боровковой-Майковой, 18 августа 1933 г., из Астрахани//ЛО ААН, ф. 738, оп. 4, ед. хр. 40, л. 5.
- ¹³³ ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 20, л. 98.
- ¹³⁴ Там же, л. 97.
- ¹³⁵ Н. П. Лихачев — В. П. Волгину. Изложение дела, 25 февраля 1934 г.//ЛО ААН, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 33, л. 4.
- ¹³⁶ Н. П. Лихачев — А. А. Мосевичу, 11 мая 1934 г. (черновик)//ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 17, л. 1 (Адресат — следователь ОГПУ, ведший в 1930—1931 гг. дело Н. П. Лихачева).
- ¹³⁷ Н. П. Лихачев — В. Н. Бенешевичу, 25 октября 1933 Г.//ЛО ААН, ф. 192, оп. 2, ед. хр. 107, л. 1.
- ¹³⁸ Там же, л. 2; Н. П. Лихачев — В. В. Куйбышеву, 1934 (черновик)//ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 12, л. 1—4. Неизвестно, было ли письмо отправлено. Адресовано Куйбышеву, вероятно, как председателю Комиссии народного контроля. О продаже 100 экземпляров книги Н. П. Лихачева «Материалы для истории русского иконописания» (СПб., 1906), напечатанной автором за свой счет, за 6000 р. «Международной книге» см.: Отношение Института книги, документа и письма неперем-

ному секретарю АН В. П. Волгину от 14 апреля 1934 г. //ЛО ААН, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 33, л. 29. Об этой «операции» ИКДП Н. П. Лихачев узнал в Астрахани от приехавшего из Москвы служащего «Международной книги» В. М. Кунина и был ужасно расстроен, ведь он рассчитывал, что книги «помогут мне дожить свой век и умереть без полной нищеты» (Н. П. Лихачев — Н. Я. Марру, 6 октября 1932 г. //ЛО ААН, ф. 800, оп. 3, ед. хр. 564, л. 3—3 об.).

¹³⁹ См.: ЛО ААН, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 33, л. 2—29 об.

¹⁴⁰ Об ИКДП см.: *Свойский М. Л.* 1) Музей палеографии //Вопр. истории. 1977. № 4; 2) Институт книги, документа и письма по документам Архива АН СССР //Книга: Исследования и материалы. М., 1975. Вып. 30; 3) Институт книги, документа и письма АН СССР, 1930—1935 гг.; Очерки истории //Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979.

В архиве сохранилось стихотворение А. С. Орлова, посвященное Н. П. Лихачеву, где есть и такие строки: «Богатырь с главой Зевеса и душою львиной», — датированное 15 августа 1929 г. (ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 210, л. 135).

¹⁴² *Бенешевич В. Н.* Николай Петрович Лихачев (некролог), л. 22. См. также: Н. П. Лихачев—А. С. Орлову, 7 февраля 1936 г. //ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 19, л. 3.

¹⁴³ Справка, выданная Н. П. Лихачеву для предоставления в секретариат Академии наук о выплаченных суммах за рукописи и аккордные работы в ИКДП в 1935 г., от 1 апреля 1936 г. //ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 20, л. 108 (с апреля по декабрь 1935 г. выплачено 497 р.).

¹⁴⁴ Н. П. Лихачев — Н. Я. Марру, 28 декабря 1932 г. //ЛО ААН, ф. 800 (Н. Я. Марра), оп. 3, ед. хр. 564, л. 4.

¹⁴⁵ *Веселое Е.* Мертвые сраму не имут, но ведом ли стыд живым: Размышление на Смоленском кладбище //Вечерний Ленинград. 1989. 20 февр.; *Кобак А.* Трагедия Петербургского некрополя //Вечерний Ленинград. 1989. 25 февр.; *Пирютко Ю.* Трагедия Петербургского некрополя //Искусство Ленинграда. 1989. № 4. С. 55—67.

¹⁴⁶ *Бенешевич В. Н.* Николай Петрович Лихачев (некролог), л. 22.

¹⁴⁷ Доска установлена в 1973 г. (Памяти выдающегося ученого //Вечерний Ленинград. 1973. 26 июня).

¹⁴⁸ Дополнение к биографической справке о Н. П. Лихачеве.

¹⁴⁹ *Бенешевич В. Н.* Николай Петрович Лихачев (некролог), л. 24.

¹⁵⁰ Печати Пскова //Сов. археология. 1960. № 3; О подделке итальянских автографов //Вспомогательные ист. дисциплины. 1990. Вып. 21.

¹⁵¹ *Рутенбург В. И.* Западноевропейская секция архива Института истории //Вопр. истории. 1947. № 4. С. 152—154; *Козинцева Р. И., Рутенбург В. И.* В архиве ЛОИИ //Вопр. истории. 1962. № 2. С. 160—166. Наиболее полно состав коллекций Н. П. Лихачева в ЛОИИ представлен в кн.: Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л., 1958. С. 403—417, 453—506. Многие другие работы, раскрывающие богатства архива, трудно вместить в краткую справку.

Приложение

В. И. БЕНЕШЕВИЧ

Николай Петрович Лихачев (некролог)

Скончался 14 апреля 1936 г. в Ленинграде от старческой гангрены, после ампутации левой ноги в больнице. Покойный, несмотря на свои 74 года (родился 12/24 апреля 1862 г.) и тяжкую мучительную болезнь, с декабря 1935 г. приковавшую его к постели, был полон стремления к работе; еще в середине марта он развивал планы ближайших задуманных им работ, передавал содержание тех, которые уже отосланы в печать, сокрушался о недоступности ряда книг, отмеченных им в библиографических обзорах, просил принести свежие выпуски византиноведческих журналов, спрашивал совета о чтении легенд на моливдовулах. «Если отрежут ногу, то я смогу ведь и сидя в кресле заниматься», — говорил он, а после операции, давшей ему короткую передышку от жесточайших страданий, он уже проектировал и устройство соответствующего кресла.

В этих трогательных подробностях последних дней жизни сказывается вся суть, все своеобразие личности Николая Петровича; он был ученый «с головы до ног» и ничем другим никогда быть не желал и не был. Окончив в 1884 г. Казанский университет, Николай Петрович уже в 1888 г. выпустил в свет свою магистерскую диссертацию «Разрядные дьяки XVI в.», а в 1891-м и докторскую: «Бумага и бумажные мельницы в Московском государстве», сразу создавшие

ему почетное место в ряду исследователей русской истории. 1888—1894 гг. — приват-доцент в Казанском университете, 1895—1902 гг. в Санкт-Петербурге, а в феврале 1894 г. был избран на кафедру дипломатики и сфрагистики в Петербургском Археологическом Институте и в мае 1894 г. назначен членом Археографической комиссии; в обоих учреждениях Николай Петрович работал много и с увлечением вплоть до закрытия их. Единственной административной должностью Николая Петровича было место помощника директора Императорской Публичной библиотеки (с 13 июля 1902 г. по 30 апреля 1914 г.), после чего он числился членом совета министра народного просвещения (сверх штата). Научные заслуги Николая Петровича принесли ему звание члена-корреспондента Академии наук (29 декабря 1901 г.), а 1 августа 1925 г. исполнилось и его заветное желание: он был избран в действительные члены Академии наук. После революции работа Николая Петровича сосредоточилась в Государственной Академии истории материальной культуры по отделению византийского и раннехристианского искусства (1919—1929): научный сотрудник, а потом член (заведующий отделением византийского и раннехристианского искусства). В 1931 г. исключен из Академии наук.

К концу 1929 г. число научных работ достигло 160, главным образом по дипломатике, нумизматике, сфрагистике, генеалогии, палеографии, к которым все время лежало сердце Николая Петровича. Для разработки этих вспомогательных дисциплин Николай Петрович создал ценою громадных усилий и денежных затрат специальный Музей. О нем сам Николай Петрович к юбилею Академии наук в 1925 г. писал следующее: «При ярко выраженной наследственной страсти собирательства... палеография домота соединилась с историей писем». Для Музея Николай Петрович выстроил особый дом, где собранные им коллекции размещены были в более чем 430 стильных дубовых и красного дерева шкафах<...>

Музей, составленный Николаем Петровичем, представлял собою одну из достопримечательностей Ленинграда, посещавшуюся усердно и учащейся молодежью, и рабочими организациями, и специалистами, как советскими, так и иностранными. С неослабной энергией и увлекательным воодушевлением объяснения посетителям давал сам Николай Петрович, который считал себя не вправе воспользоваться даже законным отдыхом в виде отпуска или даже шестого дня. Дело в том, что в 1925 г. Музей был передан Николаем Петровичем Академии наук, которая назначила его директором этого «Музея палеографии Академии наук» и в то же время постановила ради удобства посетителей держать Музей открытым и в дни отдыха. Впрочем, Николай Петрович и сам едва ли был бы способен провести хоть день вдали от своего детища, и для него было радостно, когда он видел живой интерес к своим коллекциям со стороны научных работников. Много печатных работ посвящено отдельным памятникам из состава Музея; А. А. Дмитриевский,² умерший 8 августа 1929 г., несколько лет усердно занят был изучением писем знаменитого Яс. Гоар,³ которым Николай Петрович придавал большое значение, но этой работе уже не пришлось увидеть свет.

В 1930—1934 гг. Николай Петрович был оторван от научной работы и от своего Музея, и вернувшись в 1933 г. в Ленинград уже нашел свой Музей перевезенным в Библиотеку Академии наук и реорганизованным в Институт книги, документа и письма. Не раз публично и в интимном кругу Николай Петрович высказывал радость по поводу того, что дело его жизни не погибло и будет служить и развиваться на пользу горячо любимой родины; но ему не удалось добиться возможности поработать в Музее на правах даже рядового сотрудника.

Николай Петрович далеко не дал в науке того, что мог и хотел дать; несчастье 1930—1934 гг. застигло его как раз в тот момент, когда он приступил к подведению итогов всей своей работы. Но и сделанного достаточно для того,

чтобы обеспечить имени Николая Петровича Лихачева одно из почетнейших мест в истории науки. Широтой и разнообразием своих замыслов, самоотверженной энергией в деле их осуществления, умением сосредоточить внимание на главном и важном без ущерба для исследования и мелочей Николай Петрович достиг того, что его труды будут лежать в основе каждой попытки нового освещения ряда труднейших вопросов русской истории, и не только русской.

К обработке истории и материалов византийских Николай Петрович пришел в интересах истории русской, но приступил к этому делу как к самостоятельной задаче. К сожалению, потребовалось бы слишком много места для указания того, что отдельные труды Николая Петровича дают для различных сторон византиноведения, и приходится ограничиться простым перечнем этих трудов, который сделан при содействии самого покойного и кажется исчерпывающим (...)

С конца XIX в. Николай Петрович начал составлять «Сфрагистический альбом русских и византийских материалов». К 1917 г. сделано было 83 таблицы фототипий и несколько сот клише, почти все на счет Николая Петровича. Издание предполагалось осуществить через Нумизматическое общество, но общество было закрыто, и весь отпечатанный материал перешел к ГАИМК, а клише в ИКДП Академии наук. Эта работа была, по словам Николая Петровича, «центральной» и распалась на две части. Первую часть составляло исследование, которого автор закончил два выпуска, изданные Академией наук в серии «Труды Музея палеографии Академии наук» под заглавием «Материалы по истории византийской и русской сфрагистики». Вып. 1 (Л., 1928) 8°, 175 с., вып. 2 (1930), 279 с. (...) но вып. 2 в свет не вышел. Во вторую часть «альбома» входит описание 83 таблиц, на которых изображены 1265 предметов: табл. 1 — 57 — русских, 58—83 — византийских; к византийским необходим один экскурс об императорских печатях, чтобы доказать отсутствие в Византии государственной печати и отсутствие на императорских печатях двуглавого орла, как писал Николай Петрович в феврале 1935 г. в Академию наук, добавляя: «Насколько позволит мне мое болезненное состояние и тяжелые условия для научной работы, я готов отдать все мое время и силы для описания Альбома». Николаем Петровичем описание всех 83 таблиц закончено, и из них русская часть взята для издания Академией наук и ГАИМК, византийская же остается пока лежать как самая трудная.

Громадную услугу византиноведению оказал бы тот, кто посодествовал бы изданию неизданных трудов покойного и извлек бы из изданных трудов весь богатый материал, далеко еще неполно использованный в нашей области, и отчасти даже и неизвестный. Можно не сомневаться, конечно, в том, что труды «русского Schlumberger»⁴ будут по достоинству оценены и использованы в предприятии V. Laurent издании *Corpus sigillographiae byzantinae*.

" Но значение Николая Петровича как исследователя и как создателя Музея выходит далеко за пределы византиноведения, и будущий биограф его с любовью и благоговением проследит пятьдесят лет неустанного громадного труда, принесшего покойному ряд заслуженных успехов и радостей, но и великое горе.

5 сентября 1936 г. Ленинград

ЛО ААН СССР, ф. 192 (В. Н. Бенешевича), оп. 1, ед. хр. 69, л. 19—25

¹ Двухэтажный дом на Петрозаводской улице (д. 7) построен в 1902 г., после 1913 г. надстроен третий этаж; в таком виде дом стоит до сих пор.

² Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856—1929) — археолог, член-корреспондент АН СССР.

³ Гоар Жак (1601—1653) — ученый-эллинист; его письма к Льву Аллацио см.: Архив ЛОИИ СССР АН СССР, западноевропейская секция, ф. 3.

⁴ Шлюмберже Густав (1844—1929) — французский историк, археолог, крупный специалист в области нумизматики и византийской сфрагистики. В 1924 г. Лихачев прочитал доклад в ГАИМК о его деятельности.

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович,

Сердечно благодарю Вас за присланное свидетельство. Очень жаль только, что Вам не удалось избежать прописания моего чина. Я имею звание, которое заработал и стараюсь, трудясь по мере сил и возможности, носить его с честью. В мае 1884 года я был утвержден кандидатом историко-филологических наук и два профессора сразу предложили мне остаться при Университете по трем разным отраслям исторической науки. В наше время по старому уставу это считалось большою честью. Мои учителя невольно по незнанию обманули меня, они заверили, что их предложение не принесет мне убытка по службе сравнительно с теми, кто никаких лестных предложений не получал. По старому уставу оставление при университете и командировки присчитывались к службе. Мое утверждение в сане коллежского асессора есть чиновничье издевательство над наукой. Пока я добросовестно старался на пользу общества и государства приготовить из себя настоящего ученого, мои товарищи, учителя и чиновники, опередили меня. Я бы к этому отнесся, пожалуй, хладнокровно — я не ищу популярности, но у меня есть старик отец, который, помирившись с непосильными тратами на ученого сына (государство, пригласив меня работать, не оплачивало мой труд), думал, что громадные, неустанные занятия лиц, предавшихся изучению той или другой науки, по крайней мере награждаются отличиями, чинами, общим уважением.

Я только что вернулся от тяжело больного отца. Что я мог сказать ему, чем порадовать? У него перед глазами чиновники, которые за несколько часов труда в петербургских канцеляриях преуспевают в чинах и орденах. У меня ни жалованья, ни чинов, ни орденов, ни уважения, потому что у меня все время проходило в борьбе с критиками.

ЛО ААН, ф. 738 (В. В. Майкова), оп. 2, ед. хр. 64, л. 1—2 об.

Из письма Н. П. Лихачева — Н. Г. Лихачевой

<...> Женившись, я, добываясь места в Петербурге, порвал связь с московскими архивами и с живой разработкой русской истории. Единственное место (кафедра), бывшее в моем распоряжении в Археологическом институте, — для меня было дело новое, я сам должен был погрузиться в изучение (и даже с неохотой) дипломатики, палеографии и сфрагистики. Библиотека по этим предметам составлялась медленно, архивов я не видал. Компилировать лекции по нескольким книжкам для меня была бездельная тягость. Изучение как этих наук, так и охватившей меня страсти к иконографии, необходимость остаться на высоте как археограф и историк — все требовало массы времени для работы и разнообразных путешествий. Припомни, как я мог заниматься на старой квартире — бессонные ночи — час, два работы, урванные среди суматохи. Обрывки библиотеки, обрывки собрания икон, все не классифицировано. Временами необходимость бросить собрание до предложения распродажи включительно. Невозможность видеть нужные храмы, музеи, архивы, и при этом отсутствие определенного места. Как зверь в клетке, метался я, видя проходящие год за годом. И обыкновенно когда люди сводят итоги — перед Новым годом и Пасхой — я испытывал невыразимую, но вполне естественную тоску. Оторвавшись от архивов и мечущийся среди обрывков нового материала, лишенный возможности работать, я видел, что год уходит за годом, а моя деятельность, мое мышление связаны. Теперь и ты понимаешь, почему мне надо было съездить на Афон,

в Молдавию, Грецию, Малую Азию. Исследование о типах (иконных) Божьей Матери, которое теперь пишет вот уже несколько лет Кондаков, должно было составить главу моего исследования об иконах и было задумано, когда Кондаков и не думал об иконописании и комитета не существовало.

До нашего переезда в новый дом мои научные порывы часто заканчивались приступом тоски и стремлением забытья. Новое помещение, давшее возможность приступить к занятиям, и место помощника директора, с другой стороны, были переворотом. Случись это несколькими годами раньше, я, может быть, и теперь был бы прежним богатырем. Но на все воля Божия! Пять лет я неустанно устраиваю мою библиотеку и архив. У меня не будет денег, с точки зрения всех я безумствую, но я почти у пристани. У меня есть место для систематической раскладки по всем предметам и у меня — необходимые коллекции приобретают закругленный вид. Теперь только работать и работать. Вот почему, несмотря на ужас неизлечимой болезни, раз появилась надежда, что болезнь эта протянется еще годы, — у меня проходят приступы старой тоски. Есть новая тоска — тоска болезни, и она (вернее, ужас) иногда меня охватывает — борюсь с нею, забываясь в мечтаниях и миражах научной мысли.

Н. П. Лихачев — Н. Г. Лихачевой, 31 августа 1909 г. (ЛО ААН СССР, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 13, л. 43 об. — 45).

Н. П. ЛИХАЧЕВ

Воспоминания библиофила и собирателя рукописей и автографов¹

(доклад в Русском обществе друзей книги,
Москва, Дом ученых, 26 июня 1925 г.)

(...) Чрезвычайная активная деятельность, сношения с сотнями лиц и ежедневные получения писем и каталогов, сменилась кабинетным безмолвием — когда ни одного письма, ни одного каталога. Горделивые мечтания о грандиозных изданиях, о показательном музее, о ряде специальных исследований, все предположения о целостном использовании собранного материала заменились грустным сознанием вынужденной беспомощности!

Конечно, для меня все в прошлом, все в том, что уже давно приобретено. Но не в этом дело — дело в том, что прошлое сделалось прошлым не только для меня. Стена, раздавившая меня, ставшая между мною и прежним внешним миром, есть результат явлений мирового значения. Грозный период, который мы переживаем, подчеркивает незыблемость основ экономики. Четыре года, проведенные обезумевшим человечеством в истреблении ценностей и накопленных благ, составили такую фантастическую растрату собственного благополучия, что жизнь решительно всех слоев населения потерпела значительные изменения.

В области, к которой могут быть относимы мои воспоминания, не только я, но и новые любители с моими средствами встретятся с новыми условиями собирания, приобретения, вывоза, хранения. Тот мирок, в котором я вращался, изменился во многих отношениях.

¹ Полностью публикуются в сб.: Книга. Вып. 62.

17 января

Вижу, что и Ваше здоровье неважно, но завидую Вам, что Вы утешаетесь корректурами Арзамаса и, кроме того, печатаете ряд статей. Я был оторван от корректуры последних листов исследования, которому придавал большое значение. Книга была вполне допечатана, истрачено на нее несколько тысяч рублей, и затем мой многолетний труд был уничтожен, хотя в нем не найдется и крупинки антимарксистской!

О таких журналах, как «Звенья» и «Литературное наследство», и не слышал. Вообще здесь при полном, конечно, отсутствии заграничной литературы, очень мало выписывается и советской. Я познакомился здесь только с несколькими №№ за 1931 год журнала «Советский музей», действительно, прекрасной «вкусной» внешности. Обложка, по-моему, прямо талантлива.

Здесь полный голод по части гуманитарной ученой литературы, а с января этого года стало голодно и вообще. Уже не ссылка, а какая-то ставка на истощение. Пока я получал 600 (правильнее 500) гр. хлеба, я делил его на три части и при помощи обильного чая был сыт, теперь мне назначили 200 гр. при невозможности приобретения ни черного, ни белого хлеба (этого последнего в Астрахани не дают уже третий год). Кило картофеля 3 и 3 1/2 р., стакан пшена 1 р. 50 к.

Мартиролога Общества любителей письменности я не знаю, как до Вашего письма не знал и о месте службы Малеина.² Там без моего руководства при перевозке спутали и смешали более сорока групп материала, разложенного для начатых работ. О деятельности могу судить только по единственному отчету, попавшему в мои руки, где подчеркнуты какие-то превратные мои устремления и сообщалось, что приведены в порядок и описаны инкунабулы и эльзевиры. У меня и те и другие были разложены в разных местах, смотря по надобностям дипломатической экспозиции. Было бы нелепо, если бы я собирал инкунабулы и эльзевиры просто как таковые, зная что в одной Публичной библиотеке такие собрания! Из инкунабул, по-видимому, до некоторых листовок не добрались.

Из отчета я узнал, что с одного документа (Конрада II) немцы попросили фотографический снимок, а я бы предлагал, чтобы документ был описан Малеиным в русском каком-нибудь издании. Я таил все наиболее ценное именно из боязни таких просьб. Десятилетиями я рыскал всюду и собирал крупинки от западноевропейских богатств для того, чтобы доставить русским ученым самостоятельный материал для изучения, а не пользования только заграничными альбомами.

Сначала я мечтал сам издать нечто в типе «Musee des Archives Nationales», но более общее, под названием «Документы и автографы». После переворота это отпало. Я стал искать исследований для отдельных памятников. Пригласил Добиаш-Рождественскую³ и ее учеников. Все, заваленные другой работой, почти ничего не успели сделать. А я возил груды актов и в Публичную библиотеку и в Мраморный дворец,⁴ давал и на дом! Лучшее не выставлял, что раз выставлено, каждый иностранец может потребовать фотографический снимок — «мы де исследуем и буде надо издадим, а у Вас некому!». Кому много дано, ему и приложится!

Поэтому я с облегчением увидел, что, когда устраивали выставку, не добрались до таких вещей, как завешание императрицы 911 года (из архива рода Борджиев), древние итальянские дипломы, старейшие испанские грамоты, из которых одна вестготской или почти вестготской минускулой, хартии Матильды Тосканской 1115 года, консисториальная булла Льва IX 1052 года и т. д. По-видимому, не нашли и таких автографов, как например дожа Марино Фальеро

или автографической подписи Карла V Французского (у Делиля⁵ — только восемь mandements — во всем сборнике).

Малеину хорошо делать открытия. Я думаю, ему доставили удовольствие картоны гуманистов и картоны из архива Льва Аллация,⁶ часть которых я возил в Публичную библиотеку для покойного Дмитриевского, убеждая его не обнимать необъятного, а напечатать автографические письма Гоара, особенно касающиеся его Евхология. Документ один о Паисии Лигариде и надпись Симеона Полоцкого я сам хотел издать как свидетельство о их принадлежности к католическому миру.

Впрочем, я доволен, что знающий человек попал на свое дело и буду приветствовать исследование Малеина, буде доживу. Надо сказать, что здоровье мое более чем нехорошо. Я сделал шаги, которые Вы предлагали, и диагнозы оказались весьма неблагоприятными.

Я ничего не знаю об ученой жизни Ленинграда и очень благодарю Вас за сведения об Иване Афанасьевиче⁷ и Шеффере⁸ (шлю им свой привет). До меня дошло сведение о Жене. Что удивительного! Он более созвучен эпохе, чем, например, я с старичком с Каменноостровского. (...) Сочувствую Вам в Ваших жилищных невзгодах. У Вас был настоящий оазис сравнительно с современной безобразной скученностью. Думаю, что мне уже так и придется умереть в полной тесноте, даже если бы мне удалось до смерти вернуться в семью. Здесь не имею стола. Пишу Вам, держа на коленях, как египетский писец табличку, так я переплетенную книгу.

Очень интересуюсь отчетом Ак. наук за 1932 год, должен он выйти в свет в конце текущего января! Просил жену и детей доставать во что бы то ни стало. Вероятно, будет стоить дорого, теперь издательство превратилось в коммерчески-ростовщическую лавочку.

4 марта

.Мое положение здесь чрезвычайно ухудшилось, я получаю всего полфунта хлеба в сутки и больше ничего, страдаю от холода и недоедания. А здоровье мое никуда не годится! Я прошел через поликлинику и специальную комиссию по инвалидности, все эти хождения стоили мне большого труда. В поликлинике дали справку, что я нуждаюсь в посторонней помощи и уходе за собой. Определение врачебно-трудовой экспертной комиссии гласит: «диагноз болезни: старческая дряхлость, артериосклероз, миокардит, эмфизема легких, склероз сосудов головного мозга, грыжа. К труду неспособен, нуждается в присмотре за собою». Если бы Вы увидели меня, Вы не узнали бы меня в дряхлом, истощенном старике. Я послан сюда на медленную смерть! Выходит не ссылка, а квалифицированная смертная казнь. У меня жив еще мозг и только, мозг, интересующийся наукой, которой здесь нет, деятельностью Академии, деятельностью моего бывшего музея, скомканного, смешанного и перебитого. Знаю, что все перепутано как бы нарочно, не знаю, что уничтожено, знаю лишь, что сексуальный отдел, который я старался подбирать еще в то время, когда интересовался психопатологией Ивана Грозного и французских королей, любителями эротики из того учреждения, от которого я пострадал, признан порнографией и забран с поношением не только меня, но и моей семьи, которая и не знала о существовании такого отдела. Пока не ткнут с «гнилого Запада», у нас по-прежнему будут врачи-психопатологи, незнакомые с историей, и историки, незнакомые с медициной. Точно так же непонятно, зачем бы в институте вспомогательных исторических дисциплин было собрание книг по физкультуре, спорту и атлетике! Слава богу, хоть археологию и антропологию признали историческими.

Я очень хотел ознакомиться с Отчетом Ак. наук за 1931—1932 г., но так ничего и не знаю (...)

Очень жалею, что Вы давно не видали моих. Я за них чрезвычайно беспокоюсь, и это еще более расстраивает мои никуда негодные нервы (...) Смерть

С(ергея) Ф(едоровича)⁹ меня глубоко расстроила, не хотелось бы последовать за ним!

27 мая

(...) Я знаю, что Вы не чуждались моих и тогда, когда от них все шарахались, как от чумных, и целую Ваши ручки. Удивляюсь и завидую, что Айналов¹⁰ много печатает. Он ведь считался реакционнее меня! Завидую, что Любавский¹¹ работает в исследовательском институте. Уфа — столица Башкирии — в ней есть исследовательский институт. В Астрахани нет никаких гуманитарных учреждений. Библиотеки и архивы разбиты, центральная библиотека только просветительная. На Астрахань полагается медицина, рыболовное дело, техника, краеведческое изучение Калмыкии. (...) В Астрахани не выписывают даже издания Академии наук и Ак. ист. матер, культуры! Из-за границы, конечно, не доходит ни одного гуманитарного издания.

Мое положение в этой пустыне плачевно. Пробовал было предложить провести несколько бесед по истории архивов и архивного дела в здешнем Архивном бюро для повышения квалификации служащих, которые все без исключения не могут читать старых документов. Это было в прошлом году. Намекал, что готов поговорить б е с п л а т н о . Молчаливо отклонено. В Музее увидел кучи монет, сваленных по ящикам и коробкам. Взялся разобрать их по сортам, желая спасти хоть часть от уничтожения и сплава. Работал в прошлом году довольно долго, но за «благодарю», а один влиятельный член горсовета, раза два подходя при посещении музея, говорил: «Что, дедушка, все сидишь над монетками! Чай поди старые, столетние есть».

С января месяца я вместо 600 гр. хлеба стал получать только 250 гр. (с апреля теперь 300 гр.) и ничего больше. Без профсоюзной книжки, без кооперативной книжки, без права даже на целевые взносы — я очутился без всяких выдач, во власти рынка, на котором цены фантастические (...) Сплошь все недоступно! Я узнал, что такое настоящий голод! Ранее Астрахани не представлял себе и настоящего недоедания.

Хозяин мой рабочий — на пристани. Тоже нуждается, недоедает и постоянно злится. Когда я постоянно плачу пансион — я могу пользоваться только общей ухой (из мелкой рыбы). Ведь небольшая, очень небольшая рыба стоит 3 р. 50 к. — 4 р.! В Астрахани стали выдавать керосин только 3 литра в месяц! На рынке четвертная бутылка стоит пять—шесть рублей! Теперь вскипятить чайник и то надо с осторожностью. Мои болезни сердца и почек развились в сильной степени, а мне, несмотря на полное сознание вреда, приходится наполнять желудок чаем, чтобы обмануть его на счет недостатка твердой пищи!

Диагнозы докторов убийственны. Я страшно исхудал. Можно сказать, стал только тенью того, кем был еще в начале 1930 года!

И что я сделал с семьей! У Платонова и Любавского — остались библиотеки и мебель. А я ведь обращен в абсолютного нищего! Паразитирую на счет детей и быстро иду к смерти, хотя сколько, сколько еще мог бы продолжить начатых работ (по-видимому, раскиданных или даже уничтоженных). Тело мое стало немощным (мог ли я думать!), но мозг еще работает и стремится что-то делать!

Мое одиночество так велико, что мне не с кем слова сказать! Кажется, во всем городе не осталось человека, получившего гуманитарное образование. Хозяин полуграмотный, еле-еле читает по-печатному, а хозяйка совершенно безграмотная!

В. Н. Перетц¹² вчера прислал мне «Отчет АН». Бесконечно Вам и ему бесконечно благодарен! Напишу ему письмо. Читать очень больно, крайне растревоживает, но все-таки захватывает. По-видимому, из моего Музея значительную часть русского материала выкинули в центрархив — сказано: «выбыло 1 2 5 связок ведомственных архивных материалов». Цифра громадная! И что такое связка? Какой величины? Значит, выкинуты документы и соляной конто-

ры, когда-то мной спасенные (и за дорогую цену) после того, как они попали в частные руки (с аукциона?) и были сочтены ненужными в правительственном архиве. На этом основании следовало бы уже изъять и все документы из Археографической комиссии, там сплошь все архивы «ведомственные»!

Вообще идет пересистематизация людьми, которые сами не собирали и не понимают, почему то или иное группировалось (в целях составления отдельного исследования) не по общей системе. А ведь давно уже систематизируют карточки, а не оригиналы.

Сердечно благодарю Вас за все! Преданный Вам бывший ученый, а ныне затравленный, идущий медленно к смерти, больной старик.

18 августа

Письмо Ваше (без числа), полученное мною третьего дня, произвело на меня впечатление холодного душа! И это как раз, когда у меня зарождались кой-какие надежды. Я совершенно больной, расслабленный старик, исхудавший до последней степени (и это не от недоедания, а от болезни!). Я тень прежнего человека и быстрыми шагами иду к смерти. Все мои желания сосредоточены на одном, на мысли умереть в семье, не быть выброшенным на ломовике в «резалку». Мое положение здесь — лишеного прав на союз, на кооператив, на целевые взносы, лишеного всякого «пайка» или «снабжения», безработного уже по полной ненадобности в Астрахани специалиста по историческим и археологическим дисциплинам (даже если бы я и сохранил еще физические силы!) — так тяжело, что становится медленной смертной казнью, а я по совести и перед советской властью не заслужил ни смертной казни, ни казни вообще.

Я всю жизнь был кабинетным ученым и никогда ни одной строки не написал против марксизма. Я только не могу признать, что вся «буржуазная» литература по гуманитарным наукам не а у ч н а и подлежит забвению и уничтожению:

Вы пишете мне, чтобы я посмеялся об анекдоте с смешением автографов Пушкина и Мусина-Пушкина. Я давно потерял способность смеяться. А вот думаю, что при разборе автографов моего бывшего собрания я мог бы принести немалую пользу. Многие автографы оставлены были без определения и не вложены в обложки. Происхождение многих известно только мне. В отделе подделок, над которым я много работал, есть и подлинники, и среди подлинников — копии и сомнительные оригиналы. Я долго ведь изучал историю бумаги, чего не делали мои наследники, и по бумаге обличал тонких фальсификаторов, которые пользовались бумагой, которая была под рукой, и иногда путали на целое столетие. У меня были драгоценные письма Гарриса¹³ и Мюнца,¹⁴ которыми они приветствовали мою статейку о подделке автографов, и сами приводили прелюбопытные факты. Очень сожалею, что я, все собираясь создать «нечто» целостное, не печатал отдельных заметок.

В прошлом письме Вы обещались написать о юбилее Вл(адимира) Владимировича¹⁵ и ничего не написали. Я не знаю сроков и повода юбилея (служба, деятельность, возраст) и потому не поздравлял Вас, знаю только, что Владимиру Владимировичу исполнилось семьдесят лет и, хотя именно к этой дате приурочиваются юбилеи и издания сборников, я по собственному опыту убедился, что поздравлять не с чем. Упадок сил и энергии, если еще не сказался, то скоро скажется.

Мне понравился термин — «закрытый» юбилей, теперь в моде «закрытые распределители» для избранных и привилегированных. Это нечто очень хорошее для тех, кто ими пользуется. Может быть, и «закрытый» юбилей тоже отличается особенными достоинствами. Но я побаиваюсь современных юбилейных речей, в которых могут проскользнуть намеки, что, дескать, конечно, ревностный ученый, но все-таки не наш. Я помню, как в некрологе Бартольда отмежева-

лись от него, заявив, что он не был «нашим». А стоило бы присвоить такого действительно крупнейшего ученого специалиста с большими знаниями и талантом!

Я случайно и мельком видел книжку, кажется, Историка-марксиста, в которой помещен прошлогодний отчет Томпсинского¹⁷ с характеристиками Платонова, Дружинина¹⁸ и Андреева¹⁹ и их деятельности. Впечатление сознательного обмана партии! Советую Вл. Вл. прочитать. Он-то ведь знаком с деятельностью комиссии за многие десятилетия.

Зато утешится — печатают выборки из документов, нарочитые *ad hoc*. В журналах печатаются невероятные исторические романы и статьи и только. М а т е р и а л ы о декабристах — видел только т. 2 — «Декабристы и их время» (только один!) — поразили меня и по внешнему виду и по внутреннему содержанию. Прекрасная эрудиция, точность и хорошее изложение. Тенденциозность есть, но в меру.

На днях видал журнал «Смену», пришлось № купить как нагрузку («ассортимент»), чтобы покупать газету «Известия» в киоске (иначе не получишь. Экземпляров не хватает). В «Смене» — А. Толстой по поводу своего романа «Петр I» сообщил, что Петр — несомненно был сыном патриарха Никона. Я не выдержал, послал в редакцию маленькую заметку. Думаю не напечатают.

В прошлом году я в какой-то ученый журнал сообщил поправку относительно Пьетро делла Балле,²⁰ но и не следил, да и не мог следить — напечатано ли.

К сожалению, здесь нигде не выписываются ни издания Эрмитажа, ни издания ГАИМК, ни записка Гуманит. Отделения Ак. Наук. Пустыня! А валюта дается только Медицинскому институту и, может быть, Институту рыболовства, да и то не знаю наверное. В Астрахани не получается ни одного журнала иностранного археологического или исторического, ни одной иностранной книжки по гуманитарным наукам, ни одной книжки по литературе, ни одного беллетристического произведения. А старые библиотеки разрушены и что от них осталось — свалено в подвалы и сараи. Сахара! Мое физическое умирание идет рядом с духовным. Скоро я обращаюсь в отсталого невежду. (...)

Не поздравляю Вл. Вл. с семидесятилетием, поздравляю его с честью юбилея, поздравляю его с тем, что он сохранил бодрость тела и духа. Шлю ему мой сердечный привет! Мы с ним знакомы если не с 1884, то во всяком случае с осени 1886 года, и я горжусь, что между нами установились и всегда были дружественные отношения, что за все время не было ни одного случая недоразумения или малейшей ссоры.

Н. П. Лихачев — М. С. Боровковой-Майковой (*ЛО ААН СССР, ф. 738 (В. В. Майкова), оп. 4, ед. хр. 40, л. 1—6*).

¹ Боровкова-Майкова Мария Семеновна (1879—19?) — литературовед, жена В. В. Майкова.

² Малеев Александр Иустинович (1869—1936) — филолог-классик, книговед, член-корреспондент АН СССР.

³ Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна (1874—1939) — историк-медиевист, палеограф, член-корреспондент АН СССР.

⁴ В Мраморном дворце размещалась Академия истории материальной культуры.

⁵ Делиль Леопольд Виктор (1826—1910) — управляющий депо манускриптов Национальной библиотеки в Париже, автор многих фундаментальных инвентарей рукописей.

⁶ Аллаций Лев (1586—1669) — ученый-эллинист, хранитель Ватиканской библиотеки; его бумаги, приобретенные Н. П. Лихачевым в Италии, составляют ф. 3 западноевропейской секции Архива ЛОИИ СССР АН СССР.

⁷ Бычков Иван Афанасьевич (1858—1944) — историк, археограф, библиограф, член-корреспондент АН СССР.

⁸ Шеффер Петр Николаевич (1868—19?) — член Археографической комиссии.

⁹ Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — историк, академик.

¹⁰ Айналов Дмитрий Васильевич (1862—1939) — историк искусства, член-корреспондент АН СССР.

¹¹ Любавский Матвей Кузьмич (1860—1936) — историк, академик.

¹² Перетц Владимир Николаевич (1870—1935), — филолог, историк литературы, академик.

¹³ Харрисс Анри (1830—1910) — историк, библиограф.

¹⁴ Мюнци Эжен (1845—1902) — историк искусства.

¹⁵ Майков Владимир Владимирович (1863—1942) —археограф, палеограф, библиограф, специалист по древнерусской письменности, член-корреспондент АН СССР.

¹⁶ Бартольд Василий Владимирович (1869—1930) —востоковед, академик.

¹⁷ Томпсинский С. Г. —директор Историко-археографического института АН СССР.

¹⁸ Дружинин Василий Георгиевич (1859—1937)—историк, археограф, палеограф, член-корреспондент АН СССР.

¹⁹ Андреев Александр Игнатьевич (1887—1959) —историк, источниковед, археограф.

²⁰ Делла Балле Пьетро (1586—1652) —известный путешественник.

Н. П. Лихачев—А. С. Орлову

Август 1931 года, больница.*

Получив приговор о ссылке без конфискации имущества, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой ходатайствовать перед Президиумом АН о возвращении семье моей некоторых вещей, ей принадлежавших и находившихся в моем кабинете, именовавшемся «разборкой». (...) Со времени построения дома я проживал в спальне отдельно от семьи, а в 1918 году разместил большую часть мебели и вещей моей семьи в втором этаже на время, пока постепенно все стены не будут заполнены музейными витринами. Не по моей вине музей оставался вплоть до моего ареста в состоянии более консервации, чем организованного музея. Вся мебель и портреты оставались на местах, но не были внесены в опись. Моя спальня с кроватью, бюро, столами, шифоньеркой и шкафчиками с родовыми иконами совсем не была описана, так как признавалась моей собственностью, а не частью музея. Я просил тов. Васильева укрепить все это актом, но тов. Васильев ограничился тем, что махнул рукой и сказал: «Мне не башибузуки, что Ваше Ваше и останется (...)».

Я ходатайствую о моих автографических рукописях, о многочисленных начатых статьях и материалах, к сожалению, всегда подобранных с соответствующими оригиналами и литературой вместе в разных местах. Особенно мне хотелось бы получить и использовать мои рукописи по русской и византийской сфрагистике, наполнявшие красного дерева шкаф между окнами — столы в разборной и бюро в спальне.

Предполагавшиеся отделы с расположением по витринам были разложены по картонкам, но надо отметить, что лучшие из актов и автографов были выделены, кое-где временно смешано важное с ничтожным, и я боюсь, что все это может быть запутано. Между прочим, хартия Матильды Тосканской подложена (на время до получения так и не полученной витрины) в кучку маловажных пергаментов. В отделе истории фальсификации поддельное смешано с подлинниками. Я просил дать мне свидание с Вами, но так и не получил.

Теперь, когда следствие кончено и я осужден, Вы могли бы задавать мне вопросы письменно, а я мог бы дать указания для Вас небесполезные. Предоставляю Вам инициативу описания рукописи 1402 года, а равно и целого ряда других, заслуживающих подробной каталогизации («из книг Якова Годунова», Строгановские и т. д.). Это Ваша область. К сожалению, для автографов и моливдовулов специалистов в Ленинграде нет.

7 февраля 1936 г.

Я очень благодарен Вам, что Вы еще в июне 1935 года нашли желательным напечатание моего иллюстрированного Альбома из девяти сфрагистических очерков, почти охватывающих русскую сфрагистику. Знаю, что Вы поддерживали свое мнение и в осеннем заседании. Этот труд представляет результат многолетних изысканий, много труда и затрат на него положено, а

* Написано под зачеркнутым: «Из тюрьмы! Не было послано. Декабрь 1930 года».

три четверти клише у Вас налицо в ИКДП. Издание моей работы не посрамило бы Академию наук СССР. В нашей литературе нет ничего подобного и издание заполнило бы лагуну. Объем сравнительно небольшой, и на текст приходится всего несколько листов.

Я очень надеялся сотрудничать в ИКДП, судьба судила иначе. Не могу рассчитывать ни на что.

Очень прошу Вас прислать ко мне (в виде поручения) Валка*,¹ который становится специалистом по сфрагистике, — принять от меня текст «Очерков по русской сфрагистике». Мне важно, чтобы в случае катастрофы со мною не вышла путаница и рукопись не разбилась. Я покажу согласование №№ клише в тексте с №№ клише, находящихся в ИКДП. При помощи М. Я. Груздевой² (которая вместе со мной разбирала подлинные клише) легко постепенно выявить все клише и снабдить их №№ теми, что в тексте.

Я вообще очень хотел бы видеть Валка, чтобы поговорить с ним и через него передать в ИКДП несколько книжек и мелочей.

Прошу Вас приобрести мою рукопись на любых условиях, текста немного и я отнюдь не стою за ценой. К сожалению, мое редакторство, по-видимому, не состоится.

ЛО ААН СССР, ф. 246 (Н. П. Лихачева), оп. 3, ед. хр. 19, л. 1—3 •

* Крайне извиняюсь, что по болезненному состоянию забыл имя и отчество.

¹ Валк Сигизмунд Натанович (1887—1975) — историк, источниковед, археограф.

² Груздева Мария Яковлевна — сотрудница Музея палеографии.

**Н. П. Лихачев — В. В. Куйбышеву,
1934 г., 27 июня**

Несколько месяцев тому назад (4 февраля) я получил паспорт на постоянное жительство в Ленинграде. В паспорте отмечена квалификация «научный работник». Попытка моя обратиться за помощью в комиссию содействия ученым выявила необходимость предварительного восстановления в секции научных работников, а посещение секции вызвало посещение профсоюза просвещенцев. В союзе же просвещенцев мне сказали категорически: «Вас может восстановить только местком того учреждения, в котором вы получите заказ на работу». От работы я никогда не отказывался, только в данном случае есть осложнение. Как раз в текущем году 11 июня исполнилось ровно столетие моей научной деятельности — пятьдесят лет со дня получения первой ученой степени кандидата историко-филологических наук и сорок два года со времени получения высшей ученой степени доктора истории. В таком возрасте можно было бы оказаться и совсем нетрудоспособным, сохранив, однако, необходимость и права пропитания. Что касается до меня, то я при надорванном уже организме все еще жажду работы в сфере моей специальности, но только по прихоти (нрзб) поставлен я в условия нищего при полном отсутствии орудий моего ремесла. Всю жизнь я провел в труде над исследованиями в области вспомогательных исторических знаний, мечтал создать музей исторического источниковедения и собрал для этого громадный материал. Мои коллекции, добровольно мною переданные государству, образовали в 1925 году Музей палеографии Акад. наук СССР. Так как все мои домашние вещи и личная библиотека находились в Музее палеографии, а, наоборот, все музейные коллекции находились в моей квартире среди имущества семьи моей, из коего не могли быть немедленно и быстро выделены. Вследствие этого изданы были Академией наук дважды (в 1925 и 1927 гг.) описания состава Музея и сделана была опись музейной мебели (не менее

430 №№), чтобы отграничить разнообразное домашнее имущество, удаляемое постепенно по мере замены его музейными шкапами и витринами.

После моего ареста в 1930 году все содержимое моей квартиры было перевезено в Академию наук, не исключая моих личных автографических исследований и рефератов и экземпляров моих многочисленных изданий. И писал, и издавал я немало, имею более полутора ста трудов, некоторые из которых обратили внимание и за границей, а в России вызвали суждение А. А. Шахматова¹ о способности моей в области исследований к новым и широким выводам. Это суждение было напечатано тридцать три года тому назад, когда меня выбирали в члены-корреспонденты Академии наук. При перевозке Музея палеографии обстановка моих двух комнат — спальни и кабинета была увезена комиссией до ночного столика включительно. Увезены были и домашние вещи семьи (...)

По приговору коллегии ОГПУ, состоявшемуся в августе 1932 года, имущество, как мое личное, так и семьи моей, конфискации не подлежало и увезено было неправильно.

Крайне тяжелое материальное положение и невозможность, не имея соответствующей жилплощади, вести какие-либо научные занятия принудили меня обратиться к Вам за помощью.

Ходатайствую о возвращении мне моих научных (рукописи и фотографии) работ, о допущении меня к продолжению занятий над собранными мною материалами, о компенсации (какой-либо) за неправильно отобранное имущество мое и семьи моей и о создании мне возможности закончить мою многолетнюю научную деятельность смертью в обстановке исследовательского труда.

ЛО АН СССР, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 20, л. 103;

тот же текст с мелкими разночтениями — там же, оп. 3, ед. хр. 12, л. 1—4

¹Шахматов Алексей Александрович (1864—1920) — филолог, языковед, историк русской культуры, академик.